Измерение кинетического червя

Андрей Николаенко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Если вы поклонник киберпанка. Если вы ночами просиживали за книгами Уильяма Гибсона. Если вам не чуждо творчество даже такого легковесного писателя, как Лукьяненко (уж извините, не мог удержаться чтобы не пнуть его в очередной раз:) — то эта повесть для вас.

- Андрей Николаенко
  - ПРОЛОГ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
  - ЭПИЛОГ
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИИ АВТОРА

Андрей Николаенко
Измерение кинетического червя

Все имена невымышлены.
Все совпадения неслучайны.
Все события уже произошли.

ПРОЛОГ

— Ломай, — приказал командир группы захвата.

Двое бойцов отбежали от металлической двери с установленным на замке зарядом.

— ОАС, — сказал кто-то по ту сторону двери.

Сухо треснул взрыв, лестничная площадка мгновенно затянулась клубящейся цементной пылью и синеватым, резко пахнущим дымом. Одновременно двое других бойцов штурмовали квартиру через окно. Изнутри раздался звон разбитого стекла и топот тяжелых ботинок.

Выбив развороченный замок, спецназовцы отворили дверь и, держа пистолеты наизготовку, проникли внутрь. Но увидев своих товарищей, стоящих в комнате, они опустили оружие и подошли к ним. В углу комнаты на столе стоял компьютер, его дисплей был погашен. На полу около дивана, засыпанный осколками выбитого стекла, лицом вверх лежал молодой человек в черном пальто, полы которого разлетелись словно крылья. Небритые бледные щеки, остановившийся взгляд открытых глаз на спокойном лице.

— Больше никого?

— Никого.

Один боец присел, пощупал пульс лежащего и покачал головой.

— Отбой, — сказал он.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Над головой раздался скрежет сверла, вгрызающегося в бетон. Где-то еще выше бойко перестукивалась пара молотков. Петя жил в стандартной крупноблочной девятиэтажке. Весь дом напоминал огромный зуб великана, с множеством каверн и зловонной червоточиной мусоропровода, проходящей от верха до самого корня. Словно в вывернутом наизнанку кабинете бесноватого стоматолога, внутри этого зуба постоянно что-то высверливали, выстукивали, выскабливали, забивали пломбы и снова сверлили. Петя не мог припомнить ни одного дня, чтобы страдальца оставляли в покое. Как только жильцы какой-нибудь квартиры завершали ремонт, он тут же начинался в других квартирах, а когда неотремонтированных квартир не оставалось, их продавали, въезжали новые хозяева и начинали переделывать все по своему вкусу. Каждое утро в доме стучали молотки и визжали дрели, заставляя покрываться рябью экраны телевизоров. По вечерам же, помимо обычной ругани соседей и визжащих далеко за полночь дешевых фонограмм, слышались звуки столь странной природы, что Петя не мог найти им объяснение, хотя почти физически мог их представить. Больше всего это походило на то, как если бы кто-то бегал и волочил за собой швабру без тряпки, или забирался на стул и спрыгивал с него, снова забирался и снова спрыгивал… Петю постоянно подмывало пойти и проверить, в самом ли деле это так, и только явная бессмысленность подобных действий останавливала его. Логически он понимал, что этого не может быть, что в доме живут обычные люди, и относился к проявлениям их жизнедеятельности с усталым, обреченным безразличием.

Шум не прекращался не только внутри дома, но и снаружи. То, что дети, выбегая на улицу, тут же сводят судорогой истошного крика свои маленькие тельца, было понятным. Непонятным было другое — автомобильная сигнализация. Петя никогда не видел в реальности, чтобы на улице стояла брошенная машина с работающей сиреной. Но будучи дома, он с убивающей регулярностью слышал эти звуки, источником которых являлась схема из китайской игрушки полукустарного производства, присоединенная к мощному усилителю. Сигнализация выдавала поочередно несколько типов звуков — завывания на разные лады, покрывающие весь спектр служб с 01 по 03, прерывистые басовитые гудки и еще какие-то чирикающие спецэффекты, имитирующие выстрелы из какого-нибудь космического бластера. Петя терялся в догадках, кому нужно включать сигнализацию,

выключать и снова включать. Однако же он вполне логично рассуждал, что всему этому есть объяснение. Окружающие его люди в большинстве своем были наглыми сволочами. Они мусорили, плевали, били бутылки, пачкали подъезды, портили лифты и делали другим плохо с такой животной непринужденностью, что при определенных обстоятельствах ими можно было даже завороженно любоваться. Тем не менее в любом их действии присутствовало сугубо практичное, сволочное зерно, и прыгать со стула или щелкать впустую сигнализацией они никак не могли. От этого к Пете иногда приходило пугающее чувство собственной неполноценности ввиду неспособности понять вещи, постоянно происходящие вокруг и потому совершенно обычные.

Петя был программистом. Может быть, это отчасти оправдывало его состояние. Он привык подвергать анализу любое явление жизни, и если это сделать не удавалось, в нем заседало скрытое и упрямое беспокойство. Оно часто приходило к нему ночью, когда он бродил во сне по колено в мутной жиже среди серых бетонных стен с подтеками ржавчины, сжимая в усталых руках исцарапанный дробовик. Оно вбуравливалось в мозг электродрелью, выросшей до размеров отбойного молотка, барабанные перепонки лопались, а рот растягивался в бессмысленно-злобной гримасе напряжения, обнажая стиснутые окровавленные зубы, и Петя просыпался в диком страхе. Но ощущение беспокойства не проходило, оно лишь медленно затухало до следующего сна, чтобы повториться с пугающей неизменностью.

В будние дни Петя с трудом просыпался и шел на работу. Проделывая пешком один и тот же путь к станции метро, он всегда проходил по узкому перешейку асфальта среди непросыхающих грязных луж, вплотную к шершавой серой стене соседнего дома, и почти всякий раз он видел Ряху, высунувшуюся из окна на первом этаже. Едва умещающаяся в узкой створке, жирная одутловатая морда с мешками под глазами, бессмысленно и тупо уставившимися на весь мир и на проходящего Петю как часть мира, и рядом с ней два толстых коротких пальца, сжимающие дымящийся бычок. Больше ничего видно не было. Пете становилось неуютно от рационализма тупой простоты, которым была исполнена Ряха. Хотелось отойти подальше, но мешала грязь и нездоровое чувство собственного превосходства. Сознательным умом Петя презирал Ряху, чья жизненедеятельность была почти полностью обусловлена рефлексами и инстинктами. Ряха без усилий просыпался рано утром, открывал окно, высовывался в мир, не спеша, прищуря

глаза, выкуривал сигарету, созерцая мусорные баки напротив и поплевывая на землю, потом доведенным до совершенства щелчком выстреливал бычок и закрывал окно. Затем он хамил старушкам-контролершам в автобусах, пер инструменты с работы, заливал водкой пиво, материл жену и наконец засыпал безмятежным сном ребенка. Но подсознательно Петя понимал, что Ряха использует этот мир гораздо лучше его самого. Ряха был огурцом, свободно плавающим в родном рассоле своего мира. Петя был чужаком, досадным недоразумением в собственной жизни. И поэтому мир был несправедлив.

* * *

В это холодное предноябрьское утро Петя опаздывал со стремительно увеличивающимся отрывом, и решил немного сократить путь по свежеперекопанному участку дороги на подходе к метро. Прыгая по ребристым следам бульдозерных колес, глубоко впечатанным в глинистую землю и уже схваченным ранним ледком, спотыкаясь о рассыпанные повсюду булыжники, он прошмыгнул под ковшом экскаватора, чуть не угодив при этом в наполовину забитый мусором канализационный люк, перешагнул через забрызганную грязью красную оградительную ленточку и зашагал дальше мимо ярких киосков «Кодака», сопровождаемый хриплыми проклятиями строителей за спиной.

На пятачке у входа в метро старушки в потертых пальто мышиного и болотного цвета торговали с рук зелеными зимними яблоками. Грузные тетки в несвежих белых фартуках продавали с лотков мерзлые калачи. Мужики в кожаных куртках и вычурных кроссовках курили у фанерных щитов с разложенными на них видеокассетами, книгами в ярких глянцевых обложках и женщинами различной степени раздетости, распластанными на болезненно-серой комковатой бумаге еженедельников. За тугими алюминиево-стеклянными дверями входного вестибюля несколько человек, прислонившись к металлическим поручням вдоль затоптанной грязью лестницы, раздавали бесплатные газеты и объявления. Руки с зажатыми в них буклетами, протянутые в безразличном, но таящем немую просьбу жесте, всегда вызывали в Пете ассоциацию с нищими, просящими подаяния, только здесь было все наоборот: здесь просили взять. Со временем Петя научился не чувствовать непонятной вины по отношению к этим молчаливым людям, если не брал у них ничего.

Он прошел мимо руки с картой метро, мимо руки с пестрой газетой бесплатных объявлений, мимо руки со сборником кроссвордов, и мимо последней руки с небольшим синим листком для заметок, покрытым черными буквами. В последний момент что-то дернуло его задержаться на мгновение, и Петя поднял глаза на державшего листок человека. Это был молодой, лет двадцати на вид парень со впалыми небритыми щеками, одетый в расстегнутое черное пальто кошмарной длины, из-под которого выглядывал зеленый свитер грубой вязки с растянутой едва ли не до пупка горловиной. В отличие от других, парень не имел при себе клеенчатой сумки с запасом полиграфической продукции. Все, что у него было — один квадратик плотной синей бумаги в руке. Увидев, что Петя задержался, парень изобразил на лице оживление и с готовностью сунул ему листок. Пожав плечами, Петя взял его, не глядя сунул в карман своей куртки и быстро пошел к входным турникетам. Выстояв небольшую очередь, он встал на один из двух спускающихся эскалаторов и нетерпеливо поскакал вниз по движущимся ступеням, рискуя споткнуться и произвести эффект домино на всех, кто находился ниже. Где-то в середине пути он вдруг заметил, что все тот же парень спускается на соседнем эскалаторе, отделенный от Пети частоколом медленно проплывающих вверх цилиндрических светильников. На Петю он не смотрел и вскоре отстал, видимо из-за того, что спускаться в длинном пальто было труднее. Наконец эскалатор кончился, и Петя поспешно выбежал на станцию, так как впереди уже послышался вой прибывающего поезда и теплая волна сжатого воздуха обдала лицо.

Вагоны остановились с протяжным стоном, двери раздвинулись, и толпа утреннего народа хлынула внутрь, захватывая свободные места. Петя зашел в ближайший вагон и уже изнутри бросил взгляд назад, на перрон. Двери все еще были открыты, и за потоком движущихся голов он увидел, что парень стоит и смотрит на него. Это был обычный поверхностный взгляд, но Пете стало немного не по себе, и он отвернулся, чтобы пройти глубже в салон. Двери с шипением схлопнулись. Наступил короткий момент полной тишины. Поезд тронулся с нервным рывком, мраморные колонны станции начали беззвучно и плавно уезжать назад. Петя оглянулся и увидел, что парень уходит, держа руки в карманах и ссутулившись так, чтобы запахнуть полы своего пальто, испещренные внизу капельками засохшей грязи.

Другой бы просто выбросил листок, но Петя был человеком последовательным и решил сначала изучить его. К тому же в вагоне, заполненном уткнувшимися в газеты и книги людьми,

особенно остро чувствовалась скука информационного голода. Человеческий мозг, развившись в сложный орган, не мог терпеть простоя — ему надо было все время что-то воспринимать и перерабатывать, так же как процессор компьютера всегда выполняет какие-то, пусть даже самые бесполезные команды, не останавливаясь и не подозревая, что программа зависла в бесконечном цикле. Наверное, постоянная замкнутость на деятельность является необходимым свойством любой достаточно сложной системы, без которого она деградирует в простую систему или вообще перестает существовать. Взять хотя бы общество в целом… Петя достал листок и рассмотрел его. Буквы оказались не напечатанными, а бегло написанными черным маркером. Петя перевернул листок — ничего, только нечеткие перевернутые отпечатки тех же букв, возникшие от глубоко впитавшихся чернил маркера. Листок был слегка измят, и в неверном свете электрички Пете даже почудилось какое-то пятно, похожее на масляное. Бумажка содержала следующий текст:

ИЗМЕРЕНИЕ КИНЕТИЧЕСКОГО ЧЕРВЯ
лоховский пер дом 42 каб 16

Вот дерьмо. Петя не мог знать названий всех улиц, но все равно ему было ясно, что никакого Лоховского переулка существовать не может, не говоря уже о странном названии «Измерение Кинетического Червя». Что это, фирма или магазин? Парень, вручивший ему бумажку, явно был чокнутым, и в том, что ему попался именно Петя, тоже была закономерность. Пете всегда везло на ненормальных типов. Чертыхнувшись про себя, он бросил бумажку в карман — в вагоне сорить не хотелось.

Несколько остановок Петя провел в скучающем изучении рекламных плакатиков, расклеенных в электричке. Один из них, расположенный между магазином сантехники «Ихтиандр» и пачкой российско-американских сигарет «Finest Ясный Сокол», обещал поездку в город мечты за купленную банку кофе Nesfake. Если повезет, конечно. Но Пете не везло никогда, и он знал это с абсолютной определенностью. Машины, квартиры, поездки и даже прозаические пылесосы всегда выигрывали другие люди. Эти счастливчики находились далеко от Пети, может быть, даже на другой планете, неосязаемые и невидимые. Иногда Пете казалось, что все они существуют лишь в его воображении, что ничего на самом деле нет, и лотереи никакой нет. Есть лишь единственный проданный Пете билет, с единственной бессмысленной целью — обмануть его. Если уж на то пошло, то и вся жизнь может обернуться чудовищным обманом. Вот завтра заберут Петю строгие нелюди в белых халатах и скажут — все,

эксперимент закончен. Ты не сдал тест. И Петя закричит — какой тест? И нелюди, ухмыляясь, покажут ему всю его жизнь, зафиксированную на хитрой кинопленке. И Петя спросит — а как же весь мир? Как же Пушкин, Эйнштейн, злюка-учительница в школе, миллиарды людей, телевизоры в домах и мерседесы на улицах? И нелюди покажут ему аквариум мира. И Петя удивится — неужели вы так напрягались ради меня одного? Создавали этот город, планету, искусство, любовь, законы физики, веру в бога, всю Вселенную только для того, чтобы проверить меня? И нелюди, грустно и не по-людски улыбнувшись, скажут — да. И тогда Петя спросит — кто я? И нелюди ответят — программа, которую мы написали.

В этот день Петя опоздал всего лишь чуть-чуть. Он думал, что все обойдется, но стоило ему войти в офис, Ильич тут же поманил его к своему столу.

— Ты опоздал на две минуты — сказал он, констатируя факт.

— На полторы, — угрюмо и отчасти нагло ответил Петя. Он ненавидел эту бессмысленную нотацию, когда на разбор дела тратится больше времени, чем на само дело. Он ненавидел эту лысую голову, наполовину высунувшуюся из-за монитора.

— Ты знаешь, я не сторонник жестких рамок, но тебе все-таки следует быть аккуратнее. Не стоит привлекать внимание, в отделе кадров все берут на заметку, а ситуация сейчас…

«Черт тебя дери, да какое дело до меня отделу кадров и если ты им не доложишь, откуда они узнают?». Петя отсутствующим взглядом скользил по блестящей лысине. Еще не начав работу, он уже почувствовал усталость. Сунь ему сейчас кто-нибудь в руку прут арматуры, Петя неосознанно врезал бы по этой круглой говорящей башке, только для того чтобы она перестала говорить.

— …Договорились?

Петя молча кивнул. Перед тем как отойти, он не удержался и буркнул:

— Зато я курить не выхожу. Отдел кадров это учитывает?

— Это уже твое дело. А на работу будь добр приходить вовремя. — спокойно ответил Ильич, углубляясь в изучение каких-то бумаг.

Петя прошел на свое место и плюхнулся на стул с вращающимся сиденьем. Леня, чей стол стоял справа, хитро подмигнул ему из-за своего монитора. Саша, сидевший спереди, лишь сочувственно вздохнул.

Предстояло разбираться с накопившейся нудной работой, состоявшей из копания в базах данных и учетных формах. Чертовски не хотелось заниматься всем этим, но Петя геройски преодолел себя и завершил большую часть задания к началу

первого, когда наступал обеденный перерыв. Дождавшись, пока из принтера выползет последний лист только что отпечатанной таблицы, Петя добавил его к остальным и положил на стол Ильичу, который ушел ровно в 12.

— Ну что, народ, пошли обедать? — предложил Леня. Саша и Петя были не против. Они направились в столовку, расположенную на первом этаже. Когда они зашли, у кассы уже образовалась небольшая очередь из служащих. Полная улыбчивая женщина, заметив Петю, уверенно проложила к нему путь.

— Здравствуйте, мальчики! Петенька, как дела?

— Да ничего, спасибо, Наталья Федоровна.

— Петь, я снова к тебе с просьбой… — она замялась ровно настолько, чтобы показать, как ей неудобно просить Петю. — Сыну по информатике задали лабораторную, а там у них сам знаешь, какие преподаватели — ничего сами не объясняют, только книжки заставляют читать. Может, сделаешь, как свободное время будет?

— Нет проблем, сделаю, — ответил Петя.

— Вот спасибо! Ну тогда я после обеда зайду, занесу тебе задание.

— Хорошо, заносите.

Наталья Федоровна снова отошла к кассе.

— Чего это ты такой мрачный? — спросил вдруг Леня.

— Я? — удивился Петя. Ничего такого он не ощущал, но со стороны, видимо, было заметнее. — Да ничего. Голодный, наверное. Не успел позавтракать нормально. Утром опаздывал…

— Слушай, ты с этими опозданиями бросай, в натуре, — сказал Саша. — Ильич на тебя зуб держит, смотри, так и уволит.

— Да что я, сам не знаю, что ли? — раздраженно сказал Петя. — Как будто я по собственному желанию опаздываю. Судьба у меня такая…

Конечно, Петя понимал, что все его беды проистекают лишь от неорганизованности. Однако время иногда действительно играло с ним злые шутки. Оно прыгало рваными скачками, стоило Пете отвернуться и перестать за ним следить. Когда Петя вспоминал о нем, оно забивалось в какое-нибудь укрытие, хитро щерясь оттуда мелкими острыми зубками. Было это особенностью Петиного восприятия или нет, но он давно свыкся с этим и не мог ничего изменить.

После обеда Наталья Федоровна принесла ему задание, написанное от руки очень корявым почерком на двух листах А4. Петя бегло просмотрел его — перевод чисел из одной системы счисления в другую, простенькие программки на нахождение минимумов и максимумов… Ничего сложного. Он писал такие

программы, наверное, уже тысячи раз, и каждый раз заново. Никогда не доходили руки до того, чтобы сохранить их до следующей надобности — уж очень они были простые. И это тоже было следствием Петиной неорганизованности.

* * *

Вечером после работы, через несколько дней после случая в метро, Петя с Сашей и Леней зашли в кафешку выпить пива. Расположившись у окна за белым пластиковым столиком рядом с пыльной искуственной пальмой, они сделали заказ и стали ожидать, пока официантка принесет пиво.

— Ну как, планы на завтра в силе? — спросил Петя. Накануне он договорился с Сашей и Леней, чтобы они помогли ему переклеить обои в его квартире.

— В силе, в силе. Жди с утра, — подмигнул Леня. Эта его привычка постоянно подмигивать была немного странной, но впрочем, вполне безобидной.

— Окей.

Петя кивнул и стал рассматривать через окно прохожих, быстро идущих по серому асфальту улицы. Внезапно перед его глазами мелькнули небритые щеки, ворот зеленого свитера и полы длинного черного пальто, отмеченные внизу мелкими капельками засохшей грязи.

— Подождите, я сейчас, — сдавленно крикнул Петя и бросился к выходу.

— Туалет не в той стороне, — заржал ему вслед Леня.

Петя только махнул рукой в ответ и выбежал на улицу. Обладатель длинного черного пальто двигался метрах в пятнадцати впереди по направлению к перекрестку. Петя быстро зашагал вслед за ним, временами сбиваясь на бег — поспевать было трудно, но в то же время не хотелось и откровенно бежать.

— Эй, слышишь, постой! — крикнул Петя. На него оглянулись по крайней мере два или три человека, но парень в пальто только ускорил ход.

Слишком поздно Петя понял, что целью парня была автобусная остановка, находившаяся на противоположной стороне дороги, и парень перешел дорогу в тот момент, когда перед Петей зажегся красный свет. В тот же самый момент зеленый свет включился для автобуса, подходящего к остановке. Все еще надеясь проскочить, Петя побежал через дорогу. Завизжали тормоза, и слева в него, низко клюнув корпусом на передние колеса, едва не ткнулась бампером черная

лакированная машина. Будто в дурном замедленном сне, Петя увидел водителя, кричащего ему что-то из-за полуоткрытой двери, но звука слов не слышал, так как все его внимание приковала девушка на заднем сиденьи, чье бледное лицо в темных очках было ему смутно знакомо.

Это лицо почему-то сбило его с толку, и он стоял, растерявшись, на дороге, пока не сообразил наконец, что надо вернуться на тротуар. Водитель показал ему пальцем у виска, захлопнул дверь и поехал дальше. Девушка отстраненно смотрела вперед, как будто ничего не произошло. Посмотрев через дорогу, Петя увидел уходящий автобус. Парня в пальто на остановке уже не было. Петя не успел. Он побрел назад, чтобы быть встреченным неподалеку от входа в кафе Сашей и Леней, наградившими его ироничными аплодисментами.

— Ну ты, брат, даешь! Классное представление устроил! — сказал Саша.

— Изобрел новый способ знакомиться с девушками? — снова подмигнул Леня.

— С какими еще девушками? — устало отозвался Петя.

— Да брось, мы же видели, как ты за ней бежал. Не успел, правда, догнать, но все равно молодец! Уже делаешь успехи.

Их клоунада была противна Пете, но с другой стороны, они не поняли истинного смысла происшедшего, и Петя решил, что это к лучшему. Он начинал казаться странным самому себе, не говоря уже об окружающих.

Они вернулись за столик и стали потягивать из принесенных официанткой кружек напиток светло-соломенного цвета, закусывая солеными орешками. Леня с Сашей оживленно разговаривали о чем-то и острили в адрес Пети, но у него не было настроения им отвечать. Он чувствовал себя довольно глупо и молча смотрел в окно. Мимо, громыхая, медленно проезжал трамвай. Стекло окна выгибало прямые линии рельсов куском безумной синусоиды. Глотая пиво, Петя подумал, что трамвай обязательно должен опрокинуться, когда доедет до такого места. Но трамвай, добравшись до кривых рельсов, тоже стал кривым, и как ни в чем не бывало направился дальше. Для искривленного трамвая в искривленном пространстве рельсы были прямыми. Петю посетила внезапная догадка. На самом деле рельсы всегда и везде кажутся прямыми. Просто тот, кто их наблюдает, искривляется вместе с ними, а поэтому никогда не узнает истину. «Ловко», подумал Петя и покачал головой. «Ай ловко».

— Хватит дуться. Еще по одной? — толкнул его в бок Саша.

— Нет. Пойду уже, пора мне.

— Ну как хочешь, а мы, пожалуй, еще посидим.

Петя встал из-за стола. Из-за глупого происшествия на него напала апатия, и единственное, что ему хотелось — поскорей попасть домой.

Они попрощались, и Петя вышел из кафе. Пасмурный свет дня постепенно уступал место холодным осенним сумеркам. Он проделал свой обычный путь до дома на метро, неосознанно останавливая взгляд на всех фигурах в черных пальто среди людских толп. Безрезультатно.

По пути он заскочил в универсам и купил пару больших полуфабрикатных пицц и шесть бутылок темного «Афанасия». Еще пара бутылок оставалась у него в холодильнике от старых запасов. Стоя в небольшой очереди к расчетной кассе, Петя заметил, что в соседней очереди стоит Ряха. В его корзинке покоилась бутылка водки и две консервные банки с селедкой. Ряха повернулся и посмотрел на Петю все тем же равнодушно-бессмысленным рыбьим взглядом. Лицо его носило явные следы недавней попойки. Петя не выдержал и отвернулся. Его очередь подошла быстрей, он рассчитался и пошел к выходу, когда услышал за спиной — впервые в жизни! — голос Ряхи, который говорил кассирше «спасибо».

Наконец добравшись домой, Петя принялся подготавливать комнату к завтрашней работе. Подготовка заключалась в том, чтобы чисто вымести пол, найти побольше старых газет для застилки и вынести в прихожую и кухню все лишние вещи. Таких вещей у Пети было мало. В итоге в комнате остались, не считая пары стульев, только диван и большой стол, на котором размещались компьютер и груда книг. Все это в силу громоздкости вынести некуда, придется передвигать от стенки к стенке по ходу работы.

Потом он поужинал остатками вчерашнего супа из пакета, засел за компьютер и с головой ушел в работу. Надо было закончить одну недописанную программу. Это не относилось к работе, а было Петиным хобби, которому он посвящал едва ли не все свободное время. Когда он взглянул на кубик часов, стоявших рядом с компьютером, светящиеся зеленые цифры показывали полночь. Спать не хотелось, наоборот, наступало самое рабочее время, но Петя решил лечь пораньше, чтобы не проспать завтра.

Засыпая, он перебирал в голове события прошедшего дня. Они кружились и кружились бесконечным водоворотом, и Петя был не в силах его остановить. Он расслаблялся и старался ни о чем не думать. На время это удавалось, но потом все начиналось сначала. После нескольких безуспешных попыток успокоиться Петя просто стал беспомощно плыть в спиральном, постепенно ускоряющемся течении. Когда он достиг центра водоворота, уже

зная, что именно здесь начинается сон, то внезапно упал с невероятной скоростью вниз, в бездонный черный колодец, и все враз прекратилось. Осталась только музыка, появившаяся неизвестно откуда и вобравшая в себя Петю. Стенки колодца были сделаны из музыки, и Петя падал в бесконечность, пребывая в ней бесконечно малой точкой. Музыка звучала, пока Петя падал. Она была невыразимо прекрасной, и Петя вдруг понял, что это он сам вызывает ее к жизни. Достаточно было легчайшего усилия, намерения воли, чтобы изменить эту музыку, сделать ее другой, но все такой же прекрасной. Это поразило и захватило Петю. Он четко осознавал, что еще не совсем заснул, но его сознание было словно отделено от происходящего, и от этого все происходящее было еще необычней.

Петя мог бы бесконечно пребывать в этой нирване, но в какой-то момент музыка, повинуясь его воле, качнулась слишком резко и он не смог удерживать ее более. Напряжение моментально возросло до предела, а музыка превратилась в оглушающий рев, физически ощутимый своей плотностью. Петю придавило к постели невероятной тяжестью. Теперь он ясно понимал, что больше не спит. Он хотел привстать или закричать, но не смог. Широко открытыми глазами он видел тонущую в полумраке пустую и безучастную комнату. Достигнув звукового насыщения по всем частотам, шум перешел в новое состояние и обрел теперь уже зримую плотность. Перед глазами Пети клубилось нечто темное и угрожающее, и постепенно вся окружающая обстановка потонула в этом ревущем тумане.

«Вот она, смерть», с неожиданным равнодушием пронеслось в голове у Пети. Ему стало интересно, каким образом он умер. Может быть, обвалился потолок? Внезапное кровоизлияние в мозг? Остановка сердца?

Клубящийся мрак замер на мгновение, качаясь как змея перед прыжком, и ринулся на Петю, и он почувствовал, что сознание его стремительно гаснет, превращается в ничто вместе с окружающим миром. За этим порогом не было ничего — ни странствий души, ни загробной жизни, ни перевоплощений. Просто ничего. Это было примитивное, абсолютное знание. И Петя стал карабкаться и цепляться за единственную реальную точку существования — себя, с такой же первобытной и жадной силой, с какой это делала первая живая клетка, зародившаяся в теплой соленой воде первого океана. Сознание трансформировалось, Петя уже не был Петей, так как совершенно потерял нить отождествления, изо всех сил концентрируясь лишь на одном — удержать от исчезновения мир, превратившийся в точку. И только тогда он — уже не Петя — заметил, что стал этим

миром. Не было больше ничего. Не существовало отделения своего «я» от остального, так как и остального не было. Не было пространства и времени, лишь только некоторое неопределимое состояние, которое очень приблизительно можно было сравнить с радостью — радостью чистого существования. И эта радость становилась причиной существования, бесконечно продолжая саму себя…

Первое же оформленное понятие — радость, неизвестно как пробившее тропинку в сознание, моментально, словно поворотом выключателя, родило бесконечное множество других понятий, и мир развернулся вокруг Пети надувной спасательной шлюпкой. Петя осознал, что лежит на спине, в своей постели, в своей комнате, и смотрит в потолок. Электронные часы ярко светили в полумраке, озаряя противоположную стену нежным зеленоватым сиянием. Было тихо, только на улице неуклюже ворочался в темноте тяжелый трейлер. Низкие вибрации его дизеля отдавали колебаниями в спине и заставляли слегка дребезжать стекла в рамах. Болели уши, но потом Петя понял, что это просто мнимая боль, оставшаяся после сна. Все было в порядке. То, что воспринималось таким реальным — или нереальным — минуту назад, оказалось всего лишь сном. Жутким, непонятным, но сном.

Трейлер наконец завершил свои маневры, прекратил терзать двигатель, напоследок громко просигналил неизвестно кому и уехал. Воцарилась полная тишина. Петя встал и подошел к окну. Безлюдная улица и яркие огоньки фонарей, словно влитые в хрустальную прозрачность воздуха. Застывшая, почти ритуальная отрешенность этого мира завораживала. Он мог быть просто нарисован с другой стороны стекла. Казалось бы, легко проверить — открой окно, и увидишь либо ту же улицу с фонарями, либо клубящийся мрак пустоты. Но что, если эта улица начинает существовать, только когда открываешь окно?

* * *

Петя проснулся от ужасно назойливого звонка в дверь. С большим усилием встав и наспех натянув спортивные штаны и рубашку, он пошел открывать дверь. На пороге стояли Саша и Леня, довольные как слоны, румяные с утреннего морозца и излучавшие прямо-таки тошнотворную жизнерадостность.

— Вы че, охренели, во столько припираться?! — Петя оглянулся на часы. — Полдевятого только!

— Не хнычь, дедуля! — закричал Леня, протискиваясь в прихожую. — Раньше сядем, раньше выйдем. Тебя ж если не

разбудить, весь день прохрапишь. Кофе есть?

— На кухне, — буркнул Петя и отправился в ванную.

Повернув головки вентилей холодной и горячей воды, он подождал, пока кран профыркается пузырями воздуха, накопившимися за ночь, после чего поплескал водой в лицо, почистил зубы и несколько раз провел расческой по волосам. Когда он вышел из ванной, Леня гремел на кухне чайником, а Саша сидел за его компьютером, тыкая пальцем в кнопку мыши.

— Ого! Петька! Это с какой Натали ты тут переписываешься?

На экране монитора висело окно почтовой программы со списком писем.

— Так… знакомая одна, — ответил Петя, чувствуя, что краснеет. — Вообще-то читать чужие письма нехорошо.

— А я и не читаю. Случайно нарвался, — оправдался Саша. — Я терминалку искал, а у тебя тут автоматом мылер запускается. Да ладно, мы ж тебе не чужие. О чем хоть переписка? Надежда есть?

— О компьютерах, — нехотя ответил Петя, сворачивая постель. — И надежды нет.

— И не будет, — послышался из кухни голос Лени. Он вошел, держа в руках две керамические кружки с дымящимся кофе. — НИКОГДА не говори с девушками о компьютерах. — Он отдал одну кружку Саше. — Лучше почитай им стихи, и так невзначай пригласи на чашечку кофе. — Он поставил вторую кружку перед Петей и отправился на кухню за третьей. Вернувшись, он устроился на подоконнике с самодовольным видом.

— Им это нравится, поверь мне!

— Да ладно, хватит звонить. Нашелся плейбой, блин, — усмехнулся Петя, отхлебывая кофе.

Ровно в девять они принялись за работу. Дело двигалось споро. Один раскатывал на полу рулон обоев, отрезал кусок и мазал его клеем, двое других наклеивали его на стену. Примерно в полвторого работа была завершена. Усталые и довольные, все трое уселись на диване и стали обозревать содеянное. Вышло в общем-то неплохо, не считая слегка слегка съехавшего рисунка в углу у двери и нескольких мелких пузырей рядом с окном.

— Ну что, где пиво? — спросил Леня.

— Сначала мусор помоги вынести, — ответил Петя — Санек, пока пиццу в духовку поставь.

Он встал и сгреб с пола расстеленные газеты вместе с обрезками обоев, неиспользованным клеем и прочим мусором. Получилось два объемистых свертка. Один он дал Лене, и они спустились к мусорным контейнерам около подъезда — мусоропровод был забит, и очень вероятно, что именно таким

содержимым.

Выйдя на улицу, Петя с Леней застыли в изумлении. Шел снег. Первый снег этой осени, он падал мягко и неслышно, крупными хлопьями. Газоны с пожухшей травой уже скрылись под тонким белым покровом, еще держался только мокрый асфальт, упорно превращавший снег в грязную кашу, среди которой исходили паром канализационные люки.

Когда они пришли назад, из кухни уже доносились аппетитные запахи. Леня задержался в ванной, и Петя вошел в комнату один. Саша сидел на диване и смотрел на дисплей компьютера с запущенной программой TV-тюнера. Крутили новый клип Ангелины «Я не такая». Когда Петя вошел, Саша повернулся к нему, как будто только этого и ждал, и сказал:

— Вот, блин, у нее ноги — от ушей растут!

И добавил:

— Я бы ее трахнул.

Петя только сдержанно усмехнулся и тоже сел на диван. Вернулся Леня. Остановившись на пороге комнаты, он некоторое время таращился на экран, потом объявил:

— Слушай, ноги — от ушей! Вот я бы ее трахнул!

— Конечно, — не выдержав, засмеялся Петя, — Уж ты-то непременно бы трахнул. Никто бы не стал трахать, а ты — обязательно бы трахнул.

Но его ирония так и осталась непонятой. Леня — и Саша почему-то тоже — только недоуменно переглянулись и пожали плечами.

— А ты что, не трахнул бы? — обиженно спросил Леня.

— Ладно, — сказал Петя, безнадежно махнув рукой. — Давайте обои обмывать.

Они пошли на кухню, достали из холодильника пиво и устроились на двух табуретках и принесенном из комнаты стуле вокруг стола.

— Ну, будем, — сказал каждый, и они стукнулись запотевшими бутылками. Через некоторое время подоспела и пицца, и они принялись с удовольствием ее уплетать, запивая пивом.

Петя долго колебался, но все же выложил на стол синий листок и спросил:

— Мне тут один адресок дали. Кто-нибудь в курсе, что это такое?

Саша с Леней по очереди изучили бумажку (Леня даже откусил уголок и пожевал, после чего Петя отобрал листок совсем).

— Где ты это взял? — спросил Саша.

— Я ж говорю, дали. В метро. Не знаю кто.

— А фиг его знает. Такого адреса однозначно нет, разве что с ошибкой написали. А название… Что оно может означать?

— Можно в энциклопии посмотреть, — подмигнул Леня и вышел. Петя с Сашей только пожали плечами. Вернувшись, Леня действительно держал в руках открытый «Советский Энциклопедический Словарь».

— Так, так… Вот, слушайте: «Кинетического Червя, измерение… Отражает двойственность взглядов на природу вещей в буржуазном обществе…» То-се… А, вот: «…Кинетический червь может измеряться в кинетических обезьянах или кинетических попугаях, результаты измерения…»

Петя вырвал у него книгу.

— Смешно. Поздравляю.

— Нет, это я тебя поздравляю, Петенька. Ты знаешь, какова вероятность встречи двух придурков в одном метро? В твоем случае ровно единица.

— Так ты считаешь, это был какой-то придурок?

— Нет-нет, ты не отмазывайся. Это были два придурка. Конечно. Что тут еще можно предположить?

— Я вообще-то и сам так решил, просто на всякий случай хотел проверить… — сказал Петя.

— Да хрен с ними со всеми, Петро, — поморщился Саша. — Забудь и все. В конце концов, оно тебе надо? Не пойдешь же ты туда на работу устраиваться.

— И то верно, — кивнул Петя, и они вернулись к пиву.

Часа в три стали расходиться. Петя проводил Сашу с Леней и решил немного погулять на воздухе. Ему нравились погода и снег, успевший уже порядочно засыпать землю. Бродя без всякой цели по окружающим дворам и переулкам, среди серых и грязно-розовых коробок домов и натыканных повсюду гаражей-ракушек, он потихоньку выбрался в небольшой скверик, засаженный соснами и елями. Здесь было особенно тихо и спокойно. Большие пушистые снежинки густой сеткой падали в безветренном застывшем воздухе, приземляясь на ветви деревьев. Холод не чувствовался, было даже как-то тепло среди этого уютного белого окружения. Бесшумно падающий снег и странное отсутствие любой живой души создавали по-настоящему сказочное настроение. Петя смахнул снег со скамейки и уселся на нее, привалившись спиной и ожидая появления какого-нибудь гномика.

Гномик вскоре действительно появился. Это была белка, бегавшая по ветвям сосны прямо над Петей, а потом спустившаяся на землю. Кося в сторону Пети блестящей черной

бусинкой глаза, она то замирала столбиком, то прыгала и искала что-то в снегу. Петя порылся в карманах в поисках подарка гномику, но ничего подходящего не нашел. Только синий листок, неизвестно как снова оказавшийся в кармане куртки.

«Вот черт», подумал Петя. «Пристал как банный лист». Он показал его гному.

— Может, ты знаешь? — спросил он.

— Иди домой, — тоненьким голоском сказала белка и быстро забралась на дерево.

«Ах ты ж сука», подумал Петя, чувствуя тысячи ледяных иголочек, вырастающих из спины. Ему внезапно стало очень страшно. Вдалеке послышался низкий и мощный рев, похожий на тот, что он слышал ночью. Голова его слегка кружилась от поглощенного пива, но он не был настолько пьян, чтобы галлюцинировать. Да и вообще, у него никогда не было галлюцинаций.

— Ну и херня, — сказал Петя вслух. Голос глушился снегом и звучал неестественно-ватно. Пете уже не хотелось оставаться одному. Он встал и пошел вон из сквера. Он вспомнил, что когда был маленьким и жил у бабушки в деревне, то вечером выходил во двор и закрывал ворота. Когда он шел от ворот обратно к дому, ему всегда казалось, что чьи-то желтые глаза смотрят на него сзади из темноты. И он шел, сжимаясь от ужаса, борясь с желанием побежать сломя голову, и знал только одно — нельзя оглядываться. Сейчас он остановился и оглянулся. Белка снова сидела на земле и смотрела ему вслед.

Петя выбрался из сквера и затопал вниз по уклонистому участку дороги между домами.

— Брат! — раздался сзади голос с едва уловимым кавказским акцентом.

Петя обернулся. К нему скорым шагом подходил рослый мужчина в утепленной кожаной куртке и высокой меховой шапке. Его лицо покрывала двухнедельная, доходящая чуть ли не до глаз щетина. Протянув Пете ладонь, на ощупь напоминавшую обрубок толстой доски, мужик напористо заговорил:

— Слушай, брат, помоги тачку с места стронуть. Одного человека не хватает, тяжелая, сука!

Петя молча кивнул и вместе с кавказцем отправился к огромному, заляпанному грязью джипу, сиротливо стоявшему шагах в двадцати. Подойдя поближе, он разглядел на бампере номер старого образца: И 42–16 КЧ.

— Нам только под горку столкнуть, дальше сам покатится, — энергично жестикулируя, объяснял тем временем кавказец, словно бы боясь, что Петя передумает. Но Петя почти не слышал

его. Упершись в неимоверно тяжелый джип вместе с его водителем, он обдумывал только свою неясную догадку. Джип с черепашьей скоростью подбирался к началу спуска. Ноги проскальзывали по снежной каше, руки уже начали дрожать от от напряжения, когда где-то под днищем джипа с хриплым стоном провернулась какая-то деталь и он начал медленно катиться по пологому склону вниз, набирая скорость. Кавказец издал победный клич и на ходу заскочил в машину. Петя еще некоторое время придавал ему ускорение и потом остановился, переводя дух и наблюдая за безмолвно удаляющимся джипом. Через некоторое время тот дернулся, чихнул и выпустил облако белесого дыма. Дав задний ход, он вернулся на прежнее место, уже уверенно урча мотором.

— Спасибо, брат! — крикнул водитель.

Петя махнул рукой.

— Да пустяки.

— Слушай, а тебе куда надо?

— Мне…

Вообще-то Петя никуда не собирался.

— …в Лоховский переулок.

— А это где?

— Сам не знаю.

— Сейчас найдем.

Водитель склонился вправо от руля, и Петя с изумлением разглядел на приборной панели небольшой синий экранчик навигационного компьютера. Водитель медленно тыкал корявым наколотым пальцем в крохотную клавиатуру под экранчиком.

— Нашел, это как раз по пути. Давай заскакивай, довезу.

Петя колебался, и водитель, заметив это, рассмеялся.

— Боишься, что ли?

Петя покачал головой. Он не боялся. Его беспокоило то, что Лоховский переулок все-таки существовал. Слишком большое число бессмысленных совпадений начинало раздражать. Решив идти до конца, Петя внутренне плюнул, открыл дверь, и запрыгнув на высокий порожек, уселся в скрипучее кожаное кресло.

Джип взревел мотором, пробуксовал на месте и понесся по дороге. По мелькающим названиям улиц Петя определил примерное направление — они ехали в сторону центра. Водитель щелкнул каким-то переключателем, и экран компьютера превратился в экран обычного телевизора. Показывали клип Ангелины «Я не такая». Кивнув головой на экран, мужик закричал Пете в ухо, словно пытаясь заглушить мотор:

— Вот, бля, ноги — от ушей растут!

…и добавил после небольшой паузы:

— Я бы ее трахнул.

Они ехали около получаса, все это время кавказец что-то шумно рассказывал Пете, постоянно бросая руль и размахивая руками, а Петя молча кивал и иногда поддакивал. В голове у него сейчас была невообразимая пустота. Наконец, джип резко затормозил.

— Короче, где-то вон там пройдешь и на месте будешь. — сказал водитель, показывая пальцем в проход между двумя многоэтажками. — Давай, брат!

Петя пожал ему руку и вылез из машины. Джип молниеносно исчез, оставив после себя только выхлопное облако, медленно тающее в воздухе. Петя оглянулся. Местность была совершенно незнакомая, хотя и вполне стандартная — обычные серые дома, дворы и гаражи. Он прошел между двумя указанными домами и обнаружил длинную траншею развороченной теплотрассы, напоминающую вскрытую вену все того же больного великана. Неподалеку двое хмурых мальчиков лет 8–9 молча и с какой-то ожесточенной деловитостью играли в снежки, бросив на землю школьные ранцы. Петя посмотрел вокруг, отыскивая какие-нибудь названия. На глаза попалась табличка на стене дома: «пер. Глоховский 2». Пете стало плохо. Видимо, кавказец просто не расслышал название, а компьютер подобрал ближайшее совпадение. Все было зря.

Над головой просвистел снежок и ударился прямо о табличку, забив спрессованной белой массой букву «Г». Теперь название читалось как «пер. лоховский 2». Пете стало еще хуже. Он повернулся и посмотрел на школьников, которые теперь уже дрались ранцами, раскрасневшись и тяжело дыша, но все так же молчаливо и серьезно. Петю они явно не замечали.

«Черт вас всех возьми!» — испуганно подумал Петя. — «Что вам всем надо?». Что было делать? Повернуться и уйти, может быть, даже убежать? Или идти дальше? В нем кипела нешуточная злость пополам с отчаянием, и Петя понял, что не может уйти, не узнав все до конца.

Это было самое начало переулка, и он побрел по тропинке затвердевшей грязи вдоль траншеи, считая дома. Но уже после 16-го дома переулок уперся в широкую, заполненную машинами улицу. 42-го дома не было. Вот и все. Совпадения закончились, и можно было идти домой. Однако беспокойство от этого только усилилось. Что-то мешало Пете поверить в случайность всего происходящего. Он почувствовал себя словно бы погруженным в некий компьютерный квест, где главный персонаж должен дойти до цели, совершая разные, как будто незначащие действия и

решая всевозможные головоломки, возникающие на его пути. И сейчас таким персонажем был Петя, и его задача была найти дом 42 на улице, где нет дома 42. Он стоял, нарисованный, в нарисованном городе, и нелюди в белых халатах молчаливо и внимательно наблюдали за ним по ту сторону неба, сделанного из люминофора.

«Ладно, сволочи», — подумал Петя. — «Вы меня достали». Он повернулся и быстро пошел назад, надеясь выведать что-нибудь у дерущихся школьников. Но когда он добрался до места, их уже не было, и все, что они оставили после себя — одинокий листок ламинированной бумаги на утоптанном пятачке снега.

Петя подобрал листок. Это была справка из школы номер 42 (черт!), для льготного проезда в городском транспорте. Истертая бумага под слоем полиэтилена порвалась надвое, половинки налезли краями друг на дружку, но справка все равно уже была просрочена. Ее можно было выбросить, но герою квеста полагалось носить с собой кучу найденных бесполезных предметов, и поэтому Петя сунул ее в карман.

Никаких дельных мыслей в голову не приходило, и бумажка не особо помогла, а лишь только нагнала еще больше беспокойства. Видимо, она предназначалась для решения другой головоломки. Придется отложить поиски И.К.Ч. до лучших времен. Петя прикинул, как он будет отсюда выбираться, и решил идти в сторону шумной улицы. Придется в третий раз пройти переулок из конца в конец, но Петю это уже не смущало. Для героев квестов вполне обычным делом было слоняться туда-сюда. Петя не спешил, расслабленно и с удовольствием шагая под мягкими прикосновениями падающих снежинок. Если нелюди в халатах не хотят долго ждать, пусть лучше устроят где-нибудь рядом вход в подземку.

Так и вышло. На проспекте первая же бабушка показала ему путь к ближайшей станции метро, и Петя быстро сориентировался. Ему нужно было собраться с мыслями, и он решил не ехать пару остановок на автобусе, а пройти до метро пешком. Места вокруг оказались неожиданно знакомыми, и Петя удивился, что никогда раньше не подозревал о существовании (Г)лоховского переулка. Чем дальше он шел, тем больше отступало наваждение, только что владевшее им почти полностью. И когда он уже ехал в метро, надежно укрытый толщей земли от люминофорного неба и держась за полированный металлический поручень, все умопостроения и догадки, сделанные на основе недавних событий, показались ему смешными и нелепыми, и он улыбнулся. Его отражение в темном стекле дверей, с полустертой надписью «HL ПРИСЛОІ ІЯТЬСЯ»

поперек груди, сделало то же самое, а за спиной отражения мчался черный, размазанный, беснующийся Хаос.

* * *

Прошло около двух недель, когда Петя узнал, что его увольняют. На работе проводилось сокращение штатов, и Петя был среди кандидатов на вылет как самый молодой и самый нелояльный, то есть опаздывающий. Он отнесся к этому довольно спокойно и даже с облегчением. Ему успела до смерти надоесть эта работа, и он скорее всего уволился бы сам. Его талант программиста просто пропадал за корпениями над столбиками чисел в электронных таблицах.

Утром последнего дня Ильич вручил ему характеристику и направил в кассу. Там Петя получил причитающееся ему выходное пособие, после чего отправился в отдел кадров за документами. По пути он почитал характеристику. Неплохо. Хоть за это спасибо. Грамотный специалист… Исполнительный работник… Хреновы бюрократы, подумал Петя. Никогда не был я исполнительным работником в вашей тупой бюрократической организации. И никогда не буду.

Он вернулся в отдел, чтобы забрать свои вещи. Собрав хаотично разбросанные на столе листы бумаги, дискеты и лазерные диски, он запихнул все это в сумку, добавив туда же пару истрепанных книг по программированию. Потом он засел за компьютер и удалил с жесткого диска все принадлежавшие ему каталоги. С исчезновением последнего из них Петя почувствовал, что его больше ничего не держит и не связывает. Это было нечто вроде очищения. Окидывая взглядом офис, Петя понял, что все время его пребывания здесь было лишь нелепой, надуманной зависимостью, и он забудет о нем сразу же, как только выйдет из здания. За спиной оставались только Саша и Леня, с которыми он по-настоящему подружился. Но он не терял их. Они всегда смогут встретиться, поговорить и выпить пива.

— Ну, до свидания, — сказал Петя.

— Ну что, Петя, счастливо. — ненатурально улыбнулся Ильич. — Не забывай нас.

«Пошел в жопу», подумал Петя, перекинул сумку через плечо и вышел.

На улице дул резкий ветер, раскачивающий ветви растущих вдоль дороги деревьев и срывающий с них последние пожухшие листья. Небо было такого абсолютно ровного молочно-серого цвета, что казалось, будто его и нет вовсе. Город с его серыми

домами, блестящими от сырости дорогами, со всеми его машинами, столбами, проводами и светофорами просто висел в бескрайней пустоте. Собственно, так оно и было в реальности. Просто мало кто об этом помнил.

Петя побродил немного по улицам, заглянул в книжные магазины. Уже давно он не имел такой возможности — идти куда угодно и делать что угодно в любое время. Конечно, скоро придется искать новую работу, но пока Петя старался об этом не думать. Одно он знал точно — это должна быть такая работа, где не высиживают задницы по часам.

Он вернулся домой, выгреб из сумки вещи и свалил их в углу комнаты — было лень разбираться с ними.

Около недели он провел, бездельничая, отсыпаясь вдоволь и сидя за компьютером. Из дома он выходил только пару раз за продуктами.

Потом к нему пришли Саша с Леней. Леня был с какой-то девушкой, ее звали вроде бы Надя. Где он ее выцепил, Петя не знал, но за кофейной беседой выяснилось, что за городом у нее есть дача с целой кучей кошек, посмотреть на которых Надя и пригласила всю компанию. Вообще она выглядела немного двинутой. Пете был знаком такой тип девушек, со светло-пшеничными волосами и почти прозрачными голубыми глазами, которые носили деревянные языческие побрякушки и заторможенно говорили о всяческих аурах и кармах.

После того как друзья ушли, Петя решил разобрать груду распечаток, которую он вместе со старыми дискетами засунул подальше в истерической попытке навести порядок в комнате, приобретшей к моменту визита гостей довольно неряшливый вид. Он стал разбирать груды листов, исчерканных вдоль и поперек фрагментами алгоритмов и всяческими схемами, и пачки дискет, половина из которых давно уже не читалась.

На глаза ему попались два листа А4, исписанные кривым почерком. Это было старое задание по информатике, принесенное ему когда-то Натальей Федоровной. С обратной стороны листов уже Петиным почерком было начеркано нечто невразумительное, так как Петя писал всякий раз на том, что лежало под рукой, используя каждый кусочек свободного пространства. Он ностальгически усмехнулся и еще раз пробежал глазами свои записи. В них вполне могло быть что-то важное, что он мог записать и тут же забыть.

Ему попался номер «1а», обведенный кружком. Петя не мог вспомнить, что он означает и для чего был записан. Потом он нашел номер «26», и тогда стало понятно — это был перевод чисел в 16-ричную систему счисления. Число 16 вызвало какую-то

непонятную ассоциацию. Дом 42, кабинет 16… Петя достал бумажку с адресом. Шестерка выглядела так, что вполне могла быть и небрежно выведенным нулем. 16 — это 10. Нет, не то. 42 в шестнадцатеричной системе — это… 2а! Лоховский переулок, 2а!

Часто забилось сердце. Откуда-то появилась уверенность, что он только что решил очередную задачу своего непонятного квеста. Оставалось только проверить, есть ли в Лоховском переулке дом 2а. На улице уже темнело, и Петя решил сегодня никуда не ходить. Завтра утром.

Он лег спать и, против ожиданий, спал крепко и спокойно всю ночь, а утром проснулся легко и рано.

* * *

Петя посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. Самое время для нанесения визита в любую организацию. Он стоял около дома 2а, который оказался черт знает где в глубине извилистых переходов между дворами, но тем не менее принадлежал Лоховскому переулку. Хорошо, бабушки подсказали дорогу. Собственно, это было недалеко от места, где его высадил кавказец в джипе.

Дом представлял собой двухэтажную блекло-розовую коробку старой постройки, с высокими потолками и зарешеченным рядом окон первого этажа. Обойдя его, Петя нашел один-единственный торцевой подъезд с поросшими мхом бетонными ступенями под ржавым металлическим козырьком, подпертым такими же ржавыми трубами. Трафаретная табличка рядом с входной дверью гласила: «ЖЭУ Љ4». Снаружи было слышно, как за некоторыми окнами стрекочут принтеры.

Петя потянул на себя дверь, обитую неровными листами крашеной в голубой цвет жести, и попал в типичный учрежденческий коридор, с наслоениями стертого до дыр желтого линолеума на полу и рядом дверей вдоль обеих, обшитых исцарапанными листами ДВП, стен. Внутри находилось несколько человек. Все они стояли, прислонившись к стенке, кроме старушки в очках с толстыми бифокальными линзами, примостившейся на единственном исправном из четырех сбитых в секцию деревянных стульев с опрокидывающимися сидениями, обтянутыми рваным синим дермантином. Высокая девушка с длинными светлыми волосами, отрешенным взглядом и ушами, заткнутыми дисками оранжевого поролона, из которых даже на расстоянии доносилось лихорадочное «тс-тс-тс», выстукиваемое тарелочками ударника. Хмурый плотный мужик в коричневой

кожаной куртке и кепке, со свернутой газетой в руке. Усталая мать с вертлявым сыном, стоявшие в дальнем конце коридора у окна, забранного крашеной в голубой цвет решеткой.

Сопровождаемый взглядами нескольких пар глаз, Петя медленно пошел по коридору, рассматривая таблички на дверях. Отсюда стрекот принтеров слышался громче. Одна из дверей неожиданно открылась, и из нее вышел невысокий лысоватый человек в несвежем синем костюме и бежевой рубашке с асимметрично расположенными половинками расстегнутого воротника. В руке он держал граненый стакан, наполовину заполненный влажной массой спитой чайной заварки. Остановившись, человечек слегка качнулся назад, вздернул побородок и посмотрел на Петю из-под сонно опущенных припухлых век. Получалось, что хотя он и был маленького роста, но смотрел все-таки сверху вниз. Он молчал, и Петя направился дальше, но уже из-за спины человечек спросил:

— Вы к кому?

— Да я, собственно, и сам не знаю, — поворачиваясь, неуверенно ответил Петя. — Мне в метро дали вот это… — он протянул человечку листок. Тот, едва взглянув на бумажку, схватил Петю за локоть и неожиданно сильно протащил его несколько шагов вперед по коридору.

— 10-й кабинет, ОАС, — сказал он, махнув рукой со стаканом вперед, отпустил Петин локоть и зашел за обшарпанную деревянную дверь с застарелыми потеками сырости.

10-й кабинет оказался в самом конце коридора, слева от окна. Напротив него стоял мальчик лет шести-семи. Запрокинув голову, приоткрыв рот и кривя губы, он смотрел на табличку. Одновременно он дрыгал коленями, совершая мелкие и частые приседания, и поворачивал туловище влево-вправо, обхватив руками свои локти за спиной.

— О… А… С… Мам! Маа-м! А что такое О-А-С? — пронзительно-писклявым голоском вопросил ребенок. Мать, как будто не слыша его, задумчиво смотрела в пол, опершись о подоконник, бугристо выкрашенный все той же голубой краской, застывшей бахромой твердых капель вдоль нижней кромки.

— Маа-м! Ну мам! Ну что такое О-А-С? — нудил мальчик. Казалось, что ему вовсе не нужен ответ на этот вопрос, он задает его лишь потому, что таков способ его существования. Было нечто жуткое в этой сцене, когда гипертрофированная активность сына уравновешивалась полным бездействием матери, но и то, и другое абсолютно ничем не отличалось друг от друга, ибо не меняло ничего и не зависело ни от чего.

Когда Петя приблизился к двери, мальчик нехотя отошел к

матери, не отрывая взгляда от Пети. Губы его словно жили сами по себе и продолжали шевелиться, задавая вполголоса все тот же вопрос, обращенный в пустоту.

— Вы сюда стоите? — спросил Петя у женщины, кивнув головой на дверь. Та покачала головой.

Петя осторожно постучал в дверь, и, не дождавшись никакого ответа, потянул ее на себя. Ему открылся кабинет, режущий взгляд скрытым диссонансом. Пол застелен обычным старым пузырящимся линолеумом, имитирующим двухцветный паркет. Потолок с въевшимися ржавыми пятнами потопов. Стены выбелены бледно-салатовым цветом сверху, и голубовато-зеленым — снизу. Диссонанс создавали два массивных двухтумбовых стола из дорогого темного дерева и стул из хитро выгнутых никелированных трубок и черной кожи, стоящий точно в центре комнаты. Они были словно выдернуты из глянцевого каталога офисной мебели и смотрелись крайне чужеродно.

За дальним от входа столом сидел человек лет сорока пяти в строгом черном костюме и приспущенных на кончик носа очках в толстой роговой оправе. Склонив голову, он что-то быстро писал на белом листе бумаги, рядом лежало несколько таких же, уже исписанных листов. Кроме того, на столе находились стопка книг и журналов и черная вертящаяся башенка конторского набора, ощетинившаяся ножницами, линейкой, степлером и другими малопонятными приспособлениями.

— Можно? — спросил Петя.

Человек кивнул головой, не отрываясь от письма, и кончиком ручки ткнул в сторону стула. Петя прошел в середину комнаты и устроился на круглом черном сиденьи, разглядывая окружающую обстановку. Слева от стола, за которым сидел человек, находилась обитая бордовым дермантином дверь, ведущая в смежную комнату. Справа, около окна, стоял неработающий масляный обогреватель. В углу, справа и сзади от Пети, находился узкий высокий шкаф из того же темного дерева, набитый папками-скоросшивателями.

— Давайте.

Петя отвлекся от разглядывания маленьких ржавых гвоздиков, забитых в узкую полоску жести на стыке полотен линолеума. Человек продолжал писать, склонив голову, но его левая рука вытянулась вперед, словно он хотел что-то взять. Петя открыл было рот для вопроса, но решил сначала кое-что проверить. Он привстал со стула и протянул человеку синий листок, приобретший к этому времени еще более помятый вид. Человек отвлекся от своего занятия и посмотрел на листок. Затем он поднял на Петю непонимающий взгляд поверх очков.

— Это еще что?

— Это ваше объявление, — твердо ответил Петя, хотя в душе он был далеко не так уверен.

— Знаете что, не выдумывайте. Давайте документы побыстрее.

— Какие документы?

На лице человека проступило раздражение.

— Послушайте, молодой человек, ну что вы дурака валяете? Вы сюда зачем пришли?

— Пришел по объявлению, узнать, чем вы занимаетесь.

— Какое к черту объявление? Мы их не даем. Вы табличку видели около входа?

— Да.

— И что там написано?

— О.А.С.

— Отделение автоматизированных систем, понятно?

— Автоматизированных систем? — удивленно протянул Петя.

— Да. Всего хорошего. — и человек вновь начал шелестеть ручкой.

Петя направился к выходу. Его растерянности не было предела. Что он мог втолковать этому чинуше? Он протянул руку, чтобы открыть дверь, когда она открылась сама собой и в нее наполовину протиснулся уже знакомый человечек в синем костюме. В руке у него по-прежнему был стакан, на этот раз пустой и вымытый.

— Константин Чапаевич, кипятильник можно у вас стрельнуть?

Сидевший за столом опять же не глядя кивнул головой, залез свободной рукой в верхний ящик стола и выудил небольшой кипятильник с покрытой слоями серой накипи спиралью и обугленным в двух местах шнуром.

— Передай, если не трудно, — обратился к Пете человечек. — Не хочу тут следить.

По Петиному мнению, пол здесь был не чище, чем в коридоре, но он все-таки взял кипятильник и отдал его мужику. Тот ответил «спасибо» и быстро исчез, закрыв дверь прямо перед Петей.

— Константин Чапаевич? — спросил Петя.

— Да. Отца моего Чапай звали. Деду так захотелось, героическое имя. — вызывающе ответил чиновник. — Ну так и похуже имена бывают. А отец свое с гордостью носил, и я ношу, понятно?

— Да нет, вы меня неверно поняли… Имя действительно

героическое. — ответил Петя. Просто я подумал, я где-то вашу фамилию слышал… На «И» как-то. И…

— Игонькин. Устраивает?

— Вполне. — улыбнулся Петя, чувствуя подступающее безумие. — Игонькин Константин Чапаевич, как же я раньше не…

Он прошел назад к столу и достал из внутреннего кармана куртки трудовую книжку, копию диплома, характеристику и паспорт.

— Эти документы сгодятся?

Константин Чапаевич раздраженно посмотрел на него и как будто хотел что-то сказать, но документы все-таки взял. Каждый из них он тщательно изучил, что-то бурча себе под нос. Особое его внимание привлекла характеристика. Наконец он отложил стопку бумаг в сторонку и сказал, вздохнув.

— Так, Петр… Хотя ты еще слишком молодой, работники твоей специальности нам как раз и нужны. Но какого черта ты столько времени шлангом прикидывался?

Петя пожал плечами, не зная что (вернее, как правильно) ответить. Но тут в очередной раз открылась дверь, и в комнату вошел человек, которого Петя сразу же окрестил про себя «Мистер Кофеин». Это был молодой, подтянутый мужчина в безупречно сидящем костюме светло-кофейного цвета, рубашке в едва заметную кремово-бежевую вертикальную линеечку и дымчато-сером галстуке с мелкими сиреневыми рубчиками. Его кожа имела изысканно-смуглый оттенок, он жевал жвачку, а в руках перед собой держал картонную товарную коробку с логотипом «Nesfake».

— А-а, привез, — улыбнулся Игонькин. — Ну давай, заноси.

Мистер Кофеин молча кивнул и прошел мимо Пети к двери в смежную комнату, обдав его тонкими ароматами мяты, кофе и бензина. Петя успел заметить, что в коробке не было кофе. Там были сложены какие-то электронные платы.

— Так, Петр, садись. — потребовал Игонькин. Он подождал, пока Петя усядется на стул, и продолжил. — Когда на работу готов выйти?

Петя только сейчас вспомнил, что он как раз безработный.

— А в чем она вообще заключается?

Игонькин как-то странно посмотрел на него и стал рассказывать с видом, как будто он это повторял уже тысячу раз.

— У нас тут — Отделение Автоматизированных Систем, ясно? Недавно открылись. Перспективные разработки, понял? Статистическое моделирование по оригинальной методике. Патент недавно получили, чуешь? Работа интересная, график практически свободный, оплата достойная. Начальник — я. От

тебя будет требоваться писать программы по заданной спецификации. Все создается с нуля. Никаких сторонних разработок. Испытательный срок — месяц.

— Да хоть завтра могу начать. — особенно Пете понравилось упоминание свободного графика. Об этом можно было только мечтать.

— Ну и отлично. Считай, что мы тебя взяли. Завтра не надо. Документы оформим, и с понедельника начнешь. Сюда придешь в восемь утра, понял?

— Понял.

Игонькин сгреб исписанные листы, сложил их в стопку и постучал торцом о стол, выравнивая край, после чего щелкнул степлером на уголке. Он встал и направился к внутренней двери, прихватив с собой бумаги.

— Иди, посмотришь наше оборудование.

Петя двинулся вслед за ним. Комната за дверью оказалась забитой чуть ли не до потолка большими коричневато-серыми картонными ящиками из-под принтеров, мониторов и более мелкими коробками «Nesfake», из которых торчали какие-то странные запчасти, платы и разноцветные шлейфы. Один ящик был очень большим и нераспечатанным, на нем красовалась надпись «Dimension Computers». Слева от двери находилась вешалка с двумя пальто, в дальнем конце комнаты стоял пузатый дребезжащий холодильник «ЗиЛ». Мистер Кофеин был здесь же. Примостившись за маленьким, заваленным техническим хламом столиком, он сосредоточенно ковырялся дымящимся паяльником в какой-то схеме, периодически дуя на нее. Слабо пахло канифолью.

— А почему у вашего отдела адрес такой запутанный? Захочешь — не найдешь… — спросил Петя.

Игонькин опять странно посмотрел на него.

— Что значит — запутанный? Глоховский 2а, кабинет 10. Куда ж проще?

— А тут по-другому написано… — Петя опять показал синюю бумажку.

Игонькин вздохнул.

— Слушай, что ты мне эту фигню все время суешь? Не я же ее писал.

— А что такое «Измерение Кинетического Червя?» — не унимался Петя. Разговоры о работе заставили его на время забыть всю демоническую сущность происходящего, но сейчас он решил выяснить все до конца.

— Да елки-палки, не знаю я! Откуда ты это взял?

Петя смутился. Действительно, откуда? Странный парень дал

ему в метро бумажку, вот и все. Рассказывать о цепочке совпадений нет смысла. Игонькин действительно может ничего не знать. А если знает, то уже давно водит Петю за нос.

— Ну и где все ваше оборудование? — сменил тему Петя.

— Да вот же! — Игонькин постучал по коробкам. — Помещения для офиса и машинного зала пока на ремонте стоят. Мы тут временно, сам видишь — он развел руками вокруг себя. — Не переживай, скоро переедем.

Он перешел к большому ящику и повернулся к Пете, поглаживая его рукой.

— Между прочим, мощнейший аппарат. Четырехпроцессорный, наращивается до восьми, полтора гигагерца, 4 гига памяти, 2 тера дисковый массив. На нем вся система крутиться будет. Сечешь, размах какой?

Петя ощутил легкое головокружение. Конфигурация этого компьютера, конечно, была не самой мощной, но уступала разве что машинам для расчета погоды и ядерных реакций.

— Как обоснуемся по-нормальному, все расставим — такая красота получится! — Игонькин радовался, словно ребенок. Он прошел вглубь комнаты, по пути сказав Мистеру Кофеину:

— Витька, давай заканчивай! Пошли по домам.

— А почему здесь так много тары из-под кофе? — не удержался от вопроса Петя.

— Это у нас один раз бартер был такой. Еле распродали. Нука стой…

Порывшись среди ящиков, Игонькин достал небольшую ярко-красную баночку «Nesfake» и перебросил ее Пете.

— Держи, подъемные от фирмы! Жестянка мятая немного, в продажу не пошла, а так все нормально.

Виктор отключил паяльник и поднялся из-за стола. Его костюм по-прежнему выглядел безупречно. Пете даже не составило труда догадаться, какое из двух пальто на вешалке принадлежало ему — цвета жареных кофейных зерен.

— Да, познакомьтесь. Виктор — наш инженер по электронике. Петр — наш новый программист.

Петя и Виктор молча пожали друг другу руки.

Втроем они вышли из офиса в коридор — людей там не убавилось. Игонькин запер дверь на два замка и проверил сигнализацию.

— Елки-палки! Хорошо еще никто не знает, что у нас тут хранится! — тихо заметил он при этом.

Они прошли по коридору к выходу. Снег на улице все еще шел. У кромки тротуара стоял темно-синий «BMW». Петя уже автоматически проверил номера — ничего необычного.

— Тебя до метро довезти? — спросил Игонькин.

— Спасибо, пешком пройдусь.

— Ну смотри.

Они направились к машине.

— Ну давай, Петр! Не забудь — в понедельник к восьми строго! — крикнул Константин Чапаевич, садясь в салон. Виктор был за рулем.

Петя махнул им рукой, автомобиль развернулся и выехал из переулка. Петя постоял немного на месте, размышляя ни о чем, потом очнулся и побрел уже известной ему дорогой к подземке.

Он думал. В том, что это какая-то игра, он уже не сомневался. Оставалось только принять ее правила или отказаться — ведь пока, к счастью, Петя сам решал, что ему делать. Отказавшись, он потерял бы хорошую работу, и к тому же никогда не узнал бы, что такое Измерение Кинетического Червя.

Хорошо, допустим, Петя играет дальше. Пока ему вроде бы ничего не угрожает. Вопрос в том, кому нужно, чтобы Петя играл? Чапаевичу, Виктору-Кофеину? Вряд ли. Петя интуитивно чувствовал, что они — такие же ничего не ведающие пешки, как и он, разве что чуть более продвинувшиеся вперед в этой игре. Был некто гораздо могущественней, кому под силу устроить нужные совпадения в нужные моменты времени, с неизвестной конечной целью…

Петя усмехнулся. Да никак сам дьявол хочет купить его душу? Но почему тогда он просто не явился Пете в виде чернявого джентльмена с бородкой и аккуратными рожками, и не предложил расписаться кровью? Вроде бы так это практикуется… Нет, у дьявола сейчас и так полно дармовых душ. И не верит в него Петя к тому же.

Похоже, что неизвестное желало оставаться неизвестным, и Петя не мог ему в этом помешать, но мог дать ему определение. И он назвал его Кинетическим Червем, что одновременно и персонифицировало неизвестную сущность, и являлось постановкой задачи. Кинетический Червь искал Петю, а Петя — с этого момента — искал Кинетического Червя.

* * *

Время шло. Зима уже полностью вступила в город, etc.

Петя работал в ОАС, к тому времени перебравшемуся в новый просторный офис. График оказался действительно почти свободным — вернее, Петя назвал бы его непредсказуемым. Иногда они работали далеко за полночь, устанавливая или

настраивая новую технику и прокладывая сетевые кабели, иногда расходились в обед. Постоянного рабочего места у Пети так и не было, но Чапаевич разрешил ему работать дома, поддерживая постоянную связь и приходя на работу только в случае необходимости. Это не значило, что у Пети появилось много свободного времени. Он лишь сократил дорогу от дома до офиса и обратно. Чапаевич давал ему разные задания, которые Петя не всегда находил полезными, но достаточно интересными. С виду они были простыми, но в каждом было зерно, требующее нестандартного поворота мышления, и поэтому Петя почти все время был занят программированием или черканьем на бумажках в поисках правильного решения. Тем не менее он довольно успешно выполнял все задания, и Чапаевич тут же о них забывал, нагружая Петю новыми задачами. Эта бессмысленная трата сил начинала раздражать Петю. Вообще, вся деятельность ОАС носила какой-то странный полусекретный, полукриминальный характер. Во-первых, Петя догадывался, что есть другие работники, но никогда не видел никого, кроме Чапаевича и Виктора-Кофеина. Во-вторых, они постоянно занимались какими-то темными бартерными операциями, покупали, например, водку и меняли ее на сигареты, а сигареты на катушки телефонного кабеля, которые исчезали неизвестно куда. В-третьих, отсутствовала всякая прикладная направленность работы всего отделения. Нельзя было сказать, чем конкретно в области автоматизированных систем они занимаются и занимаются ли вообще. Получаемые задания Петя вряд ли мог отнести к чему-то, что можно реально использовать, и расценивал лишь как упражнения для настоящих заданий, о которых все время твердил Чапаевич. Суперкомпьютер все еще стоял в упаковке — еще должны были приехать какие-то недостающие блоки.

Однако по документам в ОАС все было в порядке, деньги платили исправно, все трудности в работе только добавляли к ней интерес, так что Петя был вполне доволен жизнью. Кем или чем бы ни был Кинетический Червь, пока что он не требовал ничего особенного за свои услуги.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

кто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто я кто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто якто я к

а ты слушай внимательно.

Петя почувствовал холодок, пробежавший вдоль спины. Неведомое чувство подсказало ему, что начинается нечто очень серьезное. Кинетический Червь показал из тьмы один сегмент своего бесконечного гибкого тела.

— Начнем издалека. Ты когда-нибудь выигрывал в лотерею? — спросил Чапаевич, возясь с ноутбуком.

— Иногда, по мелочам, — пожал плечами Петя.

— Какова вероятность, что подбрасывая монетку, ты 10 раз подряд получишь орла?

— Очень маленькая.

— Но все же это возможно? — Чапаевич пытал его, как на экзамене.

— Возможно…

— А миллион раз подряд?

— Это вряд ли.

— Нет, я спрашиваю, теоретически это возможно?

— Теоретически — да. Но вероятность стремится к нулю.

Беседа начинала быть странной. Петя не мог понять, чего хочет Чапаевич.

— Хорошо. Слушай дальше. Представь, что все, чем мы занимаемся — просто крыша. Наша реальная задача — построение универсальной экспертной системы, основанной на вероятностной аномалии.

— Пока еще непонятно.

— Ничего, просто слушай. Представь себе черно-белый экран размером 512 на 512 пикселов. — Чапаевич схватил листок бумаги и несколькими грубыми штрихами отобразил на нем неровный прямоугольник — видимо, для наглядности. — Я буду называть его матрицей, и сейчас ты поймешь, почему. Сколько возможных состояний пикселов можно отобразить на таком экране?

— 2 в степени 512 в квадрате, то есть…

— Примерно 2 в степени 2 с половиной миллиона. Неважно. Даже не пытайся это подсчитать. Даже не пытайся представить это число.

— Действительно… — Петя был поражен масштабом числа. — Но ведь это практически бесконечность…

— Практически — да. Его хватит на подсчет всех атомов в тысячах Вселенных. Но теоретически — это конечное число, и предел его, также теоретически, известен. Теперь представь, что располагая бесконечным временем, мы начнем перебирать все возможные комбинации пикселов на экране — начиная с полной черноты до полностью закрашенного белым экрана — Чапаевич

быстро и неумело заштриховал прямоугольник.

— Мы успеем состариться и умереть гораздо раньше, — усмехнувшись, сказал Петя.

— Запомни, времени у нас бесконечность. Просто представь себе это и не отвлекайся. А теперь скажи мне, что мы будем видеть на экране, пока будет происходить перебор?

— Ну… какие-то сочетания черных и белых точек… Что-то вроде шума.

Чапаевич резко развернул ноутбук дисплеем к Пете. Тот с удивлением увидел на экране собственный портрет, нарисованный на черном фоне белыми линиями. Портрет был набросан довольно карикатурно, но уверенно и с несомненным сходством.

— Нравится? — сказал Чапаевич.

— Да, класс, — улыбнулся Петя. — Я и не знал, что вы…

— А теперь ответь мне, разве это не одна из комбинаций, которую мы когда-нибудь увидим? — перебил его Чапаевич.

Петя пораженно замолчал. Только сейчас до него дошел грандиозный смысл обсуждаемой темы.

— Ведь там буду не только я. И вы тоже…

— И Витька. И все люди, жившие, живущие и те, которые когда-либо будут жить. Во всех возрастах, во всех местах, в каждую секунду своей жизни.

— И все животные и растения на Земле, — продолжил Петя.

— Бери шире, Петр. Любое явление, которое только можно — или нельзя — наблюдать в этой Вселенной, мы увидим здесь. — и Чапаевич постучал пальцем по экрану ноутбука, отчего по нему разошлись крохотные радужные круги.

Петя осознавал услышанное, а Чапаевич тем временем продолжал:

— Любое литературное произведение на любом языке. Еще не написанные книги. Любое изобретение. Картины. Чертежи машины времени, рецепт философского камня, уравнения антигравитации… Ну а теперь скажи, где подвох?

— Многие вещи нельзя нарисовать на таком маленьком экране и всего двумя цветами. — быстро ответил Петя.

— Это всего лишь пример, Петр. Мы можем взять экран любого размера с любым количеством цветов — это для нас неважно. Так в чем подвох?

— Большая часть комбинаций все равно будет мусором. На отбор осмысленных изображений не хватит времени.

— Времени у нас бесконечность, я же тебе сказал. Так в чем подвох?

Петя немного подумал и начал:

— Я понял. Мы получим миллиарды миллиардов чертежей, на которых будет стоять заголовок «Машина времени», и мы получим миллиарды миллиардов рецептов философского камня, начинающихся словами «Опустите будильник в миску с молоком». Для того, чтобы выбрать правильный чертеж или правильный рецепт, нам придется их проверить. Иначе говоря, попробовать миллиарды миллиардов конструкций и комбинаций всех веществ. Это можно начать делать хоть сейчас, не нуждаясь ни в какой матрице. Но никто не начинает, потому что это сделать нереально.

— Отлично, Петька. Попал в самую точку. — Чапаевич улыбнулся с видом фокусника, собирающегося открыть главный секрет. — Ты понимаешь, что все эти комбинации можно последовательно пронумеровать — ноль будет соответствовать полностью черной матрице, а максимум — полностью белой?

Петя кивнул и добавил:

— То же самое, что представить экран в виде двоичного числа разрядностью два с половиной миллиона.

— Во-во, — поддержал его Чапаевич. — Теперь представь себе, что мы перебираем комбинации не по порядку, а вырабатываем некоторое случайное число и выводим на экран комбинацию, соответствующую этому числу.

— Ну хорошо, — согласился Петя, — но от этого мало что изменится.

— Помнишь, что я говорил тебе о монетках? — хитро прищурившись, спросил Чапаевич.

Петя понял, куда он клонит.

— Вы хотите сказать, что правильную, нужную нам информацию можно получить случайно, просто за счет удачи?

— А ты хочешь сказать, что нельзя? Вероятность-то есть?

— Вероятность есть, но…

— А если число будет не случайным?

— Но ведь его надо знать. Как-то вычислить. И потом, откуда мы узнаем, что именно оно будет удачным?

И тут Чапаевич сказал нечто вообще странное.

— А как ты вычисляешь себя?

— Извините, не понял…

— Весь наш мир — бесконечная многомерная матрица. Предельное число комбинаций неисчислимо даже теоретически. Ты живешь здесь и сейчас. Ты принадлежишь матрице мира. Ты являешься одним из ее состояний. Откуда ты знаешь, что ты и есть правильная комбинация?

— Да какая же я комбинация? Я имею материальное тело, я

живой, я был раньше, есть сейчас, и надеюсь, буду дальше.

Чапаевич улыбнулся.

— Ну смотри. Сейчас ты знаешь, что ты — это ты. Но откуда ты можешь знать, что секунду назад ты был собой или что ты вообще был?

— Ну как это откуда… Я же помню, что было и секунду назад, и день назад…

Чапаевич взял в руки мышь, присоединенную к ноутбуку, и ловко открутил круглый лючок в ее дне. На его ладонь выпал белый обрезиненный шарик.

— Смотри.

Он стал подбрасывать шарик на ладони, продолжая говорить.

— Представь себе, что ты обладаешь очень быстрым восприятием, схватываешь каждый момент. Представил?

— Угу.

— Допустим, ты выходишь из комнаты, а я подбрасываю шарик вверх, он сначала поднимается, потом падает, я его снова подбрасываю, и так далее. И в какой-то момент ты заходишь в комнату и видишь — помнишь про свою скорость восприятия? — висящий в воздухе шарик. Твоя задача — предсказать, куда он сдвинется в следующий момент, вверх или вниз. Ну как, сможешь это сделать?

Петя призадумался, потом покачал головой.

— Нет, не зная предыдущего момента — не смогу.

— А шарик — сможет?

— То есть как?

— Ну представь, что когда ты входишь в комнату, то не видишь, а моментом превращаешься в шарик. Смог бы предсказать, куда двинешься дальше?

— Наверное… да. То есть нет, но мне и предсказывать ничего не надо в этом случае. Находясь под воздействием силы, я просто буду двигаться в направлении, соответствующем этой силе. Даже не зная об этом.

— Молодец, Петя. А если тебя самого вбросят в этот мир, а в голову тебе вбросят память и недодуманную мысль, что ты сделаешь в следующий момент?

— Додумаю эту мысль, — пораженно ответил Петя.

— А потом?

— Начну думать следующую, вытекающую из только что продуманной.

— Под воздействием чего?

— Под воздействием какого-то закона или силы, вроде тех, что действуют на шарик, и шарик о них не догадывается. Только вот кому нужно вбрасывать в мир именно меня?

— У тебя слишком большое самомнение, — усмехнулся Чапаевич. — Как насчет целого мира, недодумавшего свою главную мировую мысль, разом вброшенного в пустоту? Мира, в котором находишься ты и все остальные существа?

— Не трудновато ли будет все это создавать? — усмехнулся Петя.

— Создавать миры очень просто, — серьезно сказал Чапаевич. — Любой атом может быть миром.

— Не маловат будет мирок?

— Размер не имеет значения. Атом изменяется, внутри него существует постоянное движение энергии. Число его состояний можно перенумеровать, как и число состояний нашей матрицы. Теперь помести внутрь атома сознание, воспринимающее эти состояния как окружающий мир, а разницу между состояниями — как течение времени и логическую связь событий…

— Да, воспринимать-то это сознание явно что-то будет, но вот что? Что можно увидеть внутри атома?

— Только то, что ты можешь увидеть, — Чапаевич обвел руками комнату. — Только то, чем являешься ты сам.

Петя уже начал терять нить разговора. Они залезли в какие-то философские дебри, начав всего лишь с нового задания…

— Ну хорошо, предположим, я случайно сложенная комбинация, существующая только одно мгновение, — сказал Петя, некоторое время подумав.

— Не ты комбинация, а весь мир, — улыбнувшись, поправил его Чапаевич. — Но собственно, это одно и то же.

— Так откуда же известно, что этот, — Петя постучал по столу, — мир и есть правильная комбинация?

— А ниоткуда. Ты есть правильная комбинация, потому что ты есть, и баста, — зевнул Чапаевич. — Неудачных нет, потому что все комбинации равноценны. В этом-то вся и затея.

— Почему же тогда у меня никогда не выпадет орел сто раз подряд? — спросил Петя.

— Потому что ты — шарик, падающий под действием силы, — серьезно и почти печально ответил Чапаевич.

— А как же не падать?

— Перестать быть шариком.

— И стать кем?

— Никем.

Снаружи послышался прерывистый гудок автомобильного клаксона.

Чапаевич посмотрел на часы, и его лицо приняло озабоченное выражение.

— Бежать пора. Ну и заговорился я стобой, Петро. Пошли

быстрей.

Они вышли из офиса на улицу. Там стоял БМВ с работающим двигателем, Виктор сидел за рулем.

Чапаевич сел рядом с Виктором, Петя залез на заднее сидение. Автомобиль сорвался с места и понесся по укатанному снегу дороги навстречу праздничным огонькам новогодних уличных гирлянд.

* * *

Около подъезда Петя встретился с замерзшими и злыми Сашей и Леней. Оба были нагружены сумками.

— Ну ты че, злодей, совсем память потерял?! — закричал Леня. — Мы тут знаешь уже сколько топчемся?

Петя с досадой хлопнул себя по лбу. Он совсем забыл о назначенной встрече.

— Ладно, поехали, — сказал он, решив даже не заходить домой.

Народу в метро было не протолкнуться, зато электричка оказалась почти пустой — никто не стремился отлучаться из города накануне большого праздника, кроме тех, кто также как и Петина компания встречал Новый год на дачах.

Они вышли на одной из остановок и зашагали по неширокой, освещенной редкими фонарями грунтовой дороге, ведущей к небольшому сосновому перелеску, среди которого виднелись домики с островерхими крышами.

— Здесь, — сказал Леня возле одного из домиков где-то в середине поселка.

Они вошли через незапертую дверь в зеленых железных воротах, и, оббив с ботинок снег, поднялись по деревянным ступенькам на крыльцо, совмещенное с узкой верандой.

Леня громко постучал. Внутри дома послышалась возня, дверь открылась, и на пороге возникла Надя. Она вытирала руки о фартук. В ногах у нее путались две рыжие кошки. Изнутри гостей овеяла волна теплого и вкусно пахнущего хвоей и ванилью воздуха.

— А, ну наконец-то. Давайте заскакивайте быстрей.

Внутри дача оказалась очень уютной. Надя проводила их в жилую комнату со стенами, обшитыми стругаными сосновыми досками, где царил слабый аромат древесной смолы и дыма от горевшего камина, простого, но добротного. В стороне от входа мерцала огоньками гирлянды наряженная игрушками сосенка. Еще две кошки — серая и белая с черно-рыжими пятнами —

жмурились на плетеном диване, забросанном сшитыми из лоскутков подушками. У одной из стен на небольшом комоде покоился выключенный телевизор довольно древней модели, с трогательной провинциальностью накрытый вышитой салфеткой, на которой стояла глиняная ваза с высохшими колосками.

В комнату вошла и Оля в поварском чепчике. Лицо ее раскраснелось, кисти рук запорошены мукой.

— Привет, мальчики, — улыбнулась она. — Ну как, готовы нам помогать?

Компания растерянно топталась на месте и мямлила что-то невразумительное.

— Ладно, — засмеялась Оля, — пока все равно не надо. Располагайтесь, мы вас потом позовем.

— Кстати, Аня задерживается, но скоро будет, — заметила Надя, обращаясь больше к Пете, чем ко всем остальным. — Ее обещали привезти на машине.

— Аня? — недоумевающе спросил Петя. Мгновение он пытался понять, о ком идет речь, но потом сообразил — Надя говорила о своей подруге.

— Аня, Аня, — улыбнулась Надя и легонько ткнула Петю пальцем в бок. — Не беспокойся, она хорошая. Тебе понравится.

— Да я и не беспокоюсь, — ответил Петя, но все же слегка покраснел.

— А как он включается? — спросил Саша. Он уже копошился возле телевизора, нажимая на кнопку, но старенький аппарат не отзывался.

— Да он не работает, — ответила Надя. — Я телевизор уже год совсем не смотрю.

— Как это не смотришь? — удивился Саша. — Починить нельзя, что ли?

— Да не в этом дело. Я просто не смотрю телевизор вообще.

— Ого! Как же это ты живешь так?

— Так вот и живу, — улыбнулась Надя. — И между прочим, прекрасно себя чувствую.

— Не-е-ет, я бы так не смог, — покачал головой Саша.

— А ты попробуй. Начни с того, что выключай звук всякий раз, когда будет идти реклама, и смотри рекламу без звука. Потом начинай смотреть без звука все подряд. И ты заметишь, что на самом деле все это не имеет никакого значения. А потом… потом выключи телевизор навсегда и будь свободен. Ну ладно, нам пора.

Девушки вышли на кухню. Саша выразительно поглядел на Леню и покрутил пальцем у виска. Леня только добродушно засмеялся.

— А что, она дело говорит, — пробубнил Петя, устраиваясь в плетеном кресле и укрываясь пледом. Его отчего-то знобило и слегка кружилась голова. Не иначе как заболел. — А вы слабаки…

Леня с Сашей тут же начали дискуссию о пользе и вреде телевидения, Петя вначале что-то отвечал, потом совсем потерял нить разговора и начал дремать. Запах шерсти от пледа, поскрипывание кресла — все это напомнило ему время светлого и солнечного детства, время летних каникул, когда он гостил у бабушки. Он вспомнил ее шкаф, набитый старыми, пыльными книгами с изодранными корешками, которые он так любил читать, сидя в кресле во дворе, под зеленым навесом виноградных листьев… Что-то резко толкнуло его — так иногда засыпающему человеку внезапно кажется, что он падает… он вздрогнул и споткнулся, стоя во дворе. Петя огляделся. Это был тот самый, бабушкин двор. Ни одной мысли, как он сюда попал или где он был до этого, не возникало. Петя принял данное ему окружение как факт, как программа, запущенная с определенного адреса, как снятая с паузы видеозапись. Что-то заставило его пойти ко входу в подвал. Уходящие вниз цементные ступени утопали в сыром сером тумане, густом как кисель, в котором светились два багровых уголька — глаза демона. Это было опасное место, очень опасное, но Петя стал спускаться по ступеням. В конце концов он ушел с головой в туман, и не видел вокруг ничего, кроме тумана и высокой, темной тени демона в нем. Демон приблизился и сжал ему правое запястье. Петя почувствовал жгучую боль, которая сразу же прошла. Он посмотрел на свою руку — демон вырезал на внутренней стороне предплечья, выше запястья, какой-то треугольный знак. Инструментом демону служил собственный длинный и отточенный коготь. Рана была глубокой и свежей, но кровь не текла. Демон выпустил руку и ушел.

Петя побрел вперед. Туман был очень густым, но постепенно в нем начали угадываться стены лабиринта. Лабиринт, состоящий из множества коридоров, соединенных под прямым углом, был вырублен прямо в толще земли, и стены отсвечивали оттенками влажной глины. Потолок низко нависал над головой, приходилось идти пригнувшись. В некоторых местах Петя перебирался ползком. Стены и потолок давили, казалось, что Петя идет, пробивается прямо сквозь землю, дышит землей. Он нашел труп человека в военном комбинезоне, почти неразличимый в темноте и тумане. Около трупа лежало ружье. Петя подобрал его, оно привычно легло в руку.

Он пошел дальше, теперь стали встречаться другие трупы. Иногда он замечал согнувшиеся, смутные тени, и тогда он

стрелял в них. Он был уверен, что надо обязательно стрелять — это было неизвестно кем установленное правило лабиринта. Отчаяние овладело им почти полностью. Он знал, что умрет среди этих страшных стен так же, как и другие, не отыскав выхода.

Туман постепенно растаял, но осталась тьма, граничащая с полной чернотой. От напряжения у Пети стали болеть глаза, а тьма пульсировала, рождала новые стены и коридоры. В конце концов Петя понял, что ничего нет и никуда он не идет. Лабиринт выстраивался из темноты под действием его собственного воображения. И повернув за следующий поворот, Петя увидел слабый свет, пробивающийся из прямоугольного отверстия на уровне пола.

Он с трудом, обдирая плечи, протиснулся в это отверстие и оказался на узком карнизе вдоль кирпичной, с белесыми известковыми потеками стены какого-то дома. Воздух был чист, светел и свеж. Метрах в шести внизу под стеной рос яблоневый сад, мокрый от недавнего дождя. Петя увидел дощатый забор, покрытый многолетними слоями облупившейся краски, и узнал его. За этим забором был бабушкин двор, а Петя сейчас стоял на карнизе соседского дома. Правда, дом этот сильно изменился, но раньше Петя никогда не смотрел на него отсюда.

Петя мог бы спрыгнуть с карниза прямо в сад, но не стал рисковать. Он боялся даже не высоты, а встречи с живущими в доме соседями, которые, он был уверен, обязательно заметят его. А в том, что эти соседи как минимум не обычные люди, он не сомневался ни секунды. Петя решил пройти по карнизу вдоль стены. Вскоре стена кончилась, но из нее углом выходила другая стена, чуть пониже. Петя перелез через нее и попал на другой карниз…

Так, перелезая через крыши, проходя по верхам заборов, цепляясь за кромки стен, он путешествовал довольно долго, но спуститься вниз ему так и не удалось. Наконец Петя понял, что это еще один, высотный, лабиринт. Вскоре он нашел ржавую пожарную лестницу и спустился по ней на землю.

Петя стоял внутри квадратного асфальтированного двора, охваченного со всех сторон многоэтажными корпусами какой-то организации. С каждой стороны были входные застекленные двери, за которыми угадывалась внутренняя часть здания, наполненная движущимися фигурами людей. Корпуса были объединены в один комплекс, поэтому то, в какую дверь входить, не имело никакого значения. Петя пошел прямо и открыл дверь. Внутри архитектура здания была странной, но поразительно знакомой — обширные холлы, парадные лестницы, высокие окна,

длинные прямые коридоры, снова холлы, лестницы… Это напоминало школу. Или университет, а может быть, музей и немного метро… но эти сравнения подходили лишь отчасти, и главным образом из-за множества ходивших здесь людей и общей казенности обстановки.

Вначале Петя достаточно хорошо ориентировался внутри комплекса, планировка которого оказалась простой и логичной. Поднимаясь и опускаясь по лестницам и проходя по коридорам и кабинетам, он помнил, как можно будет вернуться, но через некоторое время он или все перепутал, или сама обстановка изменилась. Ему стали попадаться закрытые двери, в попытках найти обход он заходил все дальше и дальше и снова начал блуждать. При этом ему никогда не удавалось подойти близко к кому-то из людей — они всегда находились или на другой лестнице, или на противоположном конце коридора. Иногда Петя случайно возвращался во внутренний двор, и тогда он снова входил в одну из четырех дверей с твердым намерением ничего не перепутать на этот раз, но все повторялось.

В конце концов он встретил пожилую уборщицу в синем рабочем халате, которая мыла пол. Он спросил у нее, где находится выход. Женщина выпрямилась, держа в руках тряпку. Вода стекала в оцинкованное ведро серыми струями. Она внимательно посмотрела на Петю, и на ее лице отобразилось что-то вроде жалости.

— Я тебя знаю, — вдруг сказала она. — Ты здесь часто бываешь.

— Не помню, чтобы я здесь был раньше, — удивился Петя.

— Ты не помнишь, зато я помню, — проворчала уборщица. — Я-то все время здесь. Вон туда пойдешь, только по краешку, не топчи — она махнула рукой вперед по коридору и снова наклонилась над ведром, полоская в нем тряпку.

Петя поблагодарил ее и пошел в указанном направлении. Он мог поклясться, что уже исходил тут каждый квадратный метр, но на этот раз он нашел в конце коридора лестницу, ведущую вниз, и спустился по ней в полуподвал.

Потолки здесь были ниже, а свет — тусклее, так как единственным его источником являлись бледные, нервно дрожащие люминесцентные лампы. Стерильно чистый пол был затянут тонким слоем белого тумана. Сложная система коридоров, охваченных коробами вентиляции и пучками толстых черных кабелей, напоминала первый подземный лабиринт, но стены на этот раз были сделаны из шлифованного, матово блестящего серебристого металла. Прикоснувшись к одной из них кончиками пальцев, Петя почувствовал шершавый холод, словно

электрический ток пробивающий до самых подошв. Слышалось негромкое гудение — вероятно, работали мощные охлаждающие установки. Воздух здесь был очень сухим и вроде как разреженным — в горле довольно быстро начало першить, и более того, Петя вовсе не был уверен, что этот воздух безвреден. Здесь могла присутствовать радиация или ядовитые химические соединения… Его опасения вскоре начали подтверждаться самым непосредственным образом. Петя чувствовал себя все хуже и хуже, но самое страшное — он потерял дорогу обратно, хотя не успел пройти и десятка шагов, и теперь вокруг него не было ничего, кроме пустынного металлического лабиринта. И этот лабиринт медленно убивал его, просвечивал рентгеновским взглядом молчаливого ужаса. Петя услышал гулкие удары собственного сердца, задыхающегося в агонии. Нужно было срочно искать выход, однако Петя знал, что это бесполезно. Но внезапно в нем проснулось какое-то смутное чувство, оно подтолкнуло его — иди быстрей; оно сказало ему, что искать нужно не выход, а нечто, спрятанное в этом лабиринте. Нечто неописуемо прекрасное и живое — Петя чувствовал это. Он поспешил вперед, задыхаясь, поворачивая и выбирая дорогу одним лишь волчьим чутьем, неведомо откуда появившимся у него.

Он не помнил, сколько ходил. Когда перед глазами уже поползли черные пятна, а ноги стали деревенеть, Петя нашел то, что искал — небольшую, ярко освещенную прямоугольную нишу в стене. Там находилось сердце, размером с футбольный мяч. Оно висело в воздухе, не касаясь стенок ниши и пола. Оно было ярко-красного леденцового цвета и имело ту самую схематично-легкомысленную форму, которую обычно рисуют на заборах и протыкают стрелами. Оно было выпуклым, как подушка. Оно неторопливо вращалось вокруг вертикальной оси и плавно покачивалось вверх и вниз, как на невидимых волнах. Оно излучало вокруг себя теплое и мягкое золотистое сияние. Оно было живым. И оно было до боли прекрасным.

Чувствуя подступающие к горлу слезы, Петя упал на колени в круге золотого сияния. Ему стало хорошо и спокойно. Здесь он был в полной безопасности, под защитой чего-то бесконечно могучего и бесконечно доброго. Он протянул руки к Сердцу, но тут же отдернул их. Сердце невозможно было забрать с собой. Оно жило только здесь. Можно было только прийти и побыть рядом с Ним, и уже одно это делало человека обладателем чего-то гораздо большего, чем любое из существующих сокровищ.

Петя разглядел на поверхности Сердца вырезанный треугольный знак, похожий на древнюю руну. Он автоматически

посмотрел на свою руку — там когтем демона был вырезан такой же знак. Петя начал о чем-то догадываться, но тут же и Сердце, и лабиринт стали таять на глазах, растворяясь в уплотняющемся сером тумане. Гудение генераторов перешло в яростный рев, нарастающий с каждой секундой. Колышущийся мрак толстой губкой сжал Петю со всех сторон, и в этом мраке мутно светились два багровых глаза демона. Кто-то позвал Петю. Сначала это был слабый голос, едва пробивающийся сквозь рев. Потом он прозвучал более ясно и настойчиво. Наконец, голос заполнил собой все.

— Петя, да просыпайся же, дурилка!

Он снова вздрогнул, как от мнимого падения, и открыл глаза. Первым делом он посмотрел на руку — туда, где должна была находиться рана, нанесенная демоном. В какой-то момент ему показалось, что глаз уловил тающие очертания магического знака, но это могло быть и просто иллюзией. Однако Петя ясно чувствовал другое — знак был начерчен следами прошедшей боли в глубине руки.

Лишь после этого он все еще непонимающе посмотрел вокруг. Саша и Леня стояли перед ним, смеясь, что-то говорили и показывали на входную дверь. Из прихожей тянуло морозным воздухом и доносились звонкие, преувеличенно бодрые голоса, один из которых принадлежал Наде, а другой, глубокий и спокойный, был незнаком, но в то же время вызывал странные ассоциации. На шум вышла и Оля.

— А вот и Аня, — радостно сказала Надя, входя с подругой в комнату, и тут же осеклась, увидев изумленные лица всей компании. В комнате разыгралась немая сцена. Рядом с Надей стояла… Ангелина!

— Аня? — пробормотал наконец Петя. — Очень приятно. А я Петр…

— А-а, отчаянный нарушитель дорожных правил, — вдруг улыбнулась Аня, и улыбка ее была такой непринужденной и открытой, что все сразу почувствовали себя гораздо свободней.

— Вы что, знаете друг друга? — удивленно спросила Надя.

— Немножко… — в памяти Пети четко, как на фотографии, возник образ девушки в темных очках на заднем сиденьи автомобиля. — Уже встречались, причем тогда я чуть не угодил в больницу. Надеюсь, сейчас этого не случится.

Аня засмеялась так заразительно, что к ней подключился и Петя. Им обоим делалось еще смешнее от того, что все остальные не понимали, о чем идет речь, и только удивленно переглядывались и пожимали плечами.

— Ну ладно, что делать, чем помогать? — спросила Аня

после того, как отсмеялась и была познакомлена со всеми присутствующими.

— Мы уже сами управились, — ответила Надя. — Торт остался в духовке, скоро готов будет… Леня, принеси, пожалуйста, дров для камина, а Саша поможет нам с Олей на кухне… Нет-нет, Аня, ты пока здесь посиди, мы сами справимся. А ты, Петя, займи гостью, чтоб не скучала.

Петя не успел сказать и слова, как всех словно ветром сдуло. Леня подмигнул ему, выходя во двор. Петя остался в комнате наедине с Аней.

Они уселись в кресла у небольшого круглого столика. Петя старался не пялиться на нее во все глаза. Как ни странно, но ее нельзя было назвать действительно красивой или совершенной в обычном смысле. Нет, скорее это было нечто вроде обаяния. Нежный, почти неразличимый запах духов кружил Пете голову… Или он все-таки заболел?

— Ты чем занимаешься? — первой спросила Аня.

— Я… программистом работаю, — виновато ответил Петя. Он только что расписался на собственном приговоре. Интерес девушек к программистам обычно находится примерно между игрой в го и типографским набором. — А ты… кажется, телезвезда?

— Не люблю, когда так говорят, — смутилась Аня. Похоже, она стеснялась своего занятия не меньше Пети. — То, что на экране показывают — просто имидж. А на самом деле я не такая…

— Да, я наслышан, — Петя не выдержал и засмеялся. Вслед за ним засмеялась и Аня.

— А у тебя есть компьютер? — спросила она.

— Есть… — Петя с неудовольствием вернулся к ненавистной теме.

— Ты знаешь, я в одну игру люблю играть, интересно, она есть у тебя?..

— Пасьянс, что ли? — хмыкнул Петя.

— Да ну тебя, пасьянс. Нет, там надо ходить и стрелять по всяким чудовищам…

— Что-о? — Петины глаза чуть не вылезли из орбит.

— А что такого? — удивилась Аня.

— Извини… просто это очень редкий случай… когда такая игра у меня действительно есть. — улыбнулся Петя. — Может быть, кофе?

— Не отказалась бы.

— Сейчас. Не скучай пока.

Петя встал и пошел на кухню. Там он быстро приготовил

кофе в двух кружках с логотипом Nesfake. Как утверждала Надя, она выиграла за один год четыре таких кружки. Саша приоткрыл духовку и заглянул внутрь.

— Саша! — укоризненно воскликнула Оля, отвлекшись от протирания бокалов.

Саша вздрогнул, захлопнул дверцу духовки и отошел с виноватым видом.

— Уже третий раз его отгоняю, — нахмурилась Оля и покачала головой.

— Ну как у вас там дела? Не скучаете? — спросила Надя, румяная от жары, царившей на кухне.

Петя кивнул.

— Хорошо, что ты телевизор не смотришь, Надюша, — улыбнулся он. — Может, и мне попробовать?

С кружками в руках он вернулся в комнату. Аня по-прежнему сидела в кресле, только теперь у нее на коленях лежала кошка.

Петя поставил перед ней кружку и сел. Открыв рот, чтобы что-то сказать, он услышал сзади шум и осекся. Леня, вернувшийся в комнату с охапкой поленьев, как-то неуклюже развернулся на входе и зацепил елку. Та повалилась на пол, роняя звонко лопающиеся игрушки. В довершение ко всему Леня зацепился ногой за шнур от гирлянды и рухнул на лежащую елку сверху, с грохотом рассыпав дрова. Треснул электрический разряд, и гирлянда погасла.

Из кухни выбежали Оля, Надя и Саша. Надя бросилась выпутывать из елочной гирлянды постанывающего Леню, а Оля с Сашей уныло собирали рассыпанные дрова. Петя с Аней сидели молча, словно оцепенев. В другой день это могло бы показаться смешным, но все были достаточно уставшие, к тому же лишились елки к самому началу праздника.

Когда собрали дрова и привели в порядок Леню, начали накрывать на стол.

— Вы только посмотрите на это! Сашка, черт такой! — Оля была готова расплакаться. Знаменитый торт, который всегда удавался ей на славу, сейчас представлял собой невзрачный плоский блин, распластанный на блюде. — Говорила же, не открывай духовку!

Саша виновато отвернулся в угол. Настроение на весь вечер было основательно подпорчено у всех. Недоброе молчание готово было перейти в ссору.

— Ладно, давайте лучше выпейте кофе, — сказал Петя и вышел на кухню. Он приготовил и принес каждому по кружке горячего напитка, а сам пошел разбираться с елкой. Аня приблизилась к нему.

— Может, помочь?

— Лучше с тортом придумай что-нибудь, — ответил Петя, стоя на коленях и устанавливая елку в крестовину. Он бросил эту фразу просто между делом, будучи увлечен работой, и не сразу сообразил, что это не совсем вежливо.

— Хорошо, — просто сказала Аня, повернулась и ушла. Петя спохватился, но было поздно. Скорее всего, она обиделась, думал он, вырезая из гирлянды перегоревший кусок. Так тебе и надо, тупица. Упустил случай подружиться с хорошей девушкой. А может, не такой уж хорошей, кто их разберет, думал он, обматывая изолентой место соединения обрывков провода.

Петя включил гирлянду, и она вспыхнула россыпью крошечных разноцветных огоньков.

— Ну как? — обратился он к присутствующим. Хмурые лица Саши, Лени, Оли и Нади при виде елки постепенно оттаяли. На них даже появились некоторые подобия улыбок. Но окончательно они подобрели, когда Аня внесла из кухни торт — все тот же плоский блин, но искусно украшенный кремовыми цветами и вишенками. От уныния не осталось и следа. Компания была готова продолжать веселье несмотря ни на что.

Аня подошла к Пете и посмотрела на елку. Петя виновато посмотрел на нее. Но в ее глазах он не увидел обиды, лишь только мигающие отражения разноцветных искр. Она улыбалась. И Петя улыбнулся тоже.

* * *

— Так ты у нее даже телефона не взял?

— Она не сказала.

— Ну свой-то хоть дал?

— Дал.

— И что?

— Пригласил на чашечку кофе.

— Звонила?

— Нет.

— Ну значит, и не позвонит уже. Ну ты даешь, мужик! Кто ж так дела ведет? Такой шанс был, а ты…

После встречи Нового года прошло уже около недели. Петя с Сашей и Леней вновь сидели на его квартире и пили кофе. Петин запас в это утро вышел, и он решил, хотя и с некоторой опаской, распечатать презентованную ему Чапаевичем баночку Nesfake. На его удивление, кофе оказался очень хорошим, с неуловимо странным привкусом, от которого все вокруг как будто

становилось ярче. Кроме того, это была та самая баночка, по этикетке от которой можно выиграть лотерею «Город мечты». Правда, срок действия лотереи недавно истек, но Пете все равно не пришло бы в голову в ней участвовать.

— Ладно, Петька, проживешь и без нее, — усмехнулся Леня, расположившись на своем любимом месте — подоконнике. — Честно говоря, не такая уж она в жизни и клевая… Правда, Сань?

Саша утвердительно покачал головой.

— Мне вообще-то тоже не очень. Это я тебе без обид говорю.

— Ну и замечательно, — недовольно буркнул Петя, клацая клавиатурой. — Много вы понимаете, придурки несчастные…

— Много ты понимаешь, гений недоделанный… Дурилка…

Внезапно зазвонил телефон. Петя потянулся, чтобы взять трубку, но Саша опередил его.

— Але — игриво сказал он в трубку, некоторое время слушал, потом, лыбясь, обратился к Пете, зажав микрофон рукой:

— Тебя к телефону. Девушка!

— Если это Ася, Лиза или Марина, то меня нет, — мстительно ответил Петя, истязая клавиатуру. — А если это…

— Это Ангелина, — гробовым голосом сказал Саша и протянул Пете трубку. Леня налил на себя кофе и чуть не свалился с подоконника.

Петя взял трубку и некоторое время слушал, отвечая только короткими «да», «нет» и «конечно, можно». Закончив разговор, он обвел друзей ошалелым взглядом.

— Немедленно выметайтесь. Она едет!

— Ты эта, ты того, постой, погоди-ка, — забормотал Леня, но Петя вытолкал их в прихожую, заставил кое-как одеться и выпер за дверь, приговаривая «гость нынче пошел упрямый». Леня и Саша некоторое время кричали ему с лестничной площадки проклятия, но потом все-таки убрались, пообещав нагрянуть с инспекцией завтра.

Петя наспех прибрал в комнате и уселся на диване в нервном ожидании. Он волновался как никогда. Жалко, не было даже времени сбегать в магазин за каким-нибудь угощением — Аня обещала быть с минуты на минуту.

Дверной звонок заставил его подпрыгнуть на месте. Он открыл дверь и увидел Аню, стоявшую перед порогом в шубке, покрытой еще не успевшими растаять снежинками.

— Можно войти? — спросила она, улыбнувшись.

— Да, конечно, — засуетился Петя, освободившись от оцепенения. Он провел Аню в прихожую, помог раздеться и пригласил в комнату.

— А у тебя тут ничего, уютно, — сказала Аня, оглядываясь

вокруг.

— Да ну, что там, — засмущался Петя, — обычная обитель одинокого программиста… Ты, наверное, к другому привыкла…

— Ни к чему я не привыкла. Когда много ездишь, на обстановку вообще перестаешь обращать внимание. Как будто ее и не существует вовсе. Сегодня одно, завтра другое… Но у тебя и вправду хорошо. Угостишь кофе? Я что-то озябла.

— Конечно, сейчас, — Петя вышел на кухню. Он заварил «чапаевский» Nesfake для Ани и еще одну кружку — за компанию — для себя, хотя он уже выпил достаточно кофе до этого.

— Ты знаешь, у меня времени совсем нет, — сказала Аня, прихлебывая горячий напиток. — Завтра улетаю.

Она назвала какой-то город, что не имело для Пети никакого значения. Он почувствовал, что видит ее в последний раз. Тихая грусть овладела им. Ему отчего-то казалось, что Аня тоже что-то чувствует, и приехала к нему именно потому, что они оба с самого начала чувствовали скрытую символическую связь, соединившую их вместе… Кажется, ему не нужно пить столько кофе. И этот странный привкус… От него начинает кружиться голова…

Они сидели некоторое время, разговаривая о всем, что угодно. Все получалось просто и естественно, как будто они были знакомы уже тысячу лет, но Петя не смог бы вспомнить темы разговора. Потом Аня, обратив внимание на стоявший включенным компьютер, вдруг спросила его:

— Помнишь, ты обещал мне показать ту игру?..

В который раз подивившись столь своеобразному вкусу Ани, Петя посадил ее за компьютер и запустил игру. Аня играла неумело, но увлеченно. Иногда Петя помогал ей отстреливать наиболее упрямых монстров и показывал дорогу в лабиринте. Любимым оружием Ани был пятиствольный пулемет, из которого она самозабвенно поливала свинцовым дождем все живое вокруг, в самые удачные моменты даже издавая победные возгласы.

«Совсем как ребенок», подумал Петя, наблюдая за ней, а потом, засмеявшись от внезапной догадки, упал на диван.

— Что такое? — удивленно спросила Аня, повернувшись к нему, но Петя только махал руками и мычал что-то невразумительное, так как от любой попытки что-либо произнести смех начинал душить его еще сильнее.

— Анка-пулеметчица, — наконец произнес Петя. — Ты — Анка-пулеметчица.

Лицо Ани все еще было непонимающим. Петя встал, подошел к ней, наклонился, нашел губами ее губы и поцеловал. Ее глаза закрылись.

* * *

Время истаяло, как мимолетный обрывок волшебного сна. Петя проводил Аню и вернулся, оставшись один в пустой комнате. Голова у него кружилась, теперь уже явно, и он не знал, является ли тому причиной время, проведенное с Аней, или излишек кофе. В мыслях царил полный разброд, они постоянно разбегались, как тараканы из-под приподнятой газеты. Петя не грустил. Ему было хорошо. Пока. Грусть начнется позже, когда он по-настоящему поймет, что Ани больше нет. Просто нет, и неизвестно, была ли она.

Он не столько заснул, сколько забылся сном, одновременно и тяжелым и легким. Он слышал хор голосов, далекий и мощный. Он снова плыл щепкой сознания в водовороте сна и внимал тихой музыке мироздания. Потом до него дошло, что хор голосов не просто звучит — он зовет его. Его спрашивали о чем-то, чего он не знал. Вопрос повторялся. Он не был сформирован, чтобы понять его, это была просто материализация, суть вопроса вообще. И Петя ответил.

На короткое мгновение он увидел яркую вспышку света, в которой двигалось что-то необъятно большое, потом быстрое и ужасное видение накрыло его.

Бесплотным, страстно жаждущим крови и жизни каркасом из полированной хирургической стали пронзила его мозг потрясающе сложная и потрясающе простая конструкция программы — лучшей программы из всех, что он когда-либо писал. Лучшей программы из всех когда-либо существовавших.

Петя вскочил, включил компьютер и, с нетерпением дождавшись загрузки, начал набирать. Пальцы его сводило судорогой напряжения, он физически чувствовал обжигающее прикосновение отточенной, холодной стали внутри своей головы. Тупая, загнанная мысль билась словно вена под лезвием ножа — «мозг не может чувствовать, мозг не может чувствовать». Боль стала нестерпимой, и он закричал, не прекращая лихорадочно стучать по клавишам. Он стоял у компьютера голый, дрожа и дико скалясь, остановив невидящие глаза на экране, где ровными рядами появлялись и двигались снизу вверх изящные, непонятные формулы, длинные вереницы цифр, блоки функций, условий и циклов.

Боль стала сильнее. Уши разрывались от грома отбойных молотков. Внезапно все кончилось.

Петя очнулся от холода. Он лежал на полу около стола с компьютером. Тупо ныли затылок и левый локоть — скорее всего, он упал, потеряв сознание, и ударился о что-то твердое.

Стены комнаты мерно кружились вокруг него. С трудом он встал, добрел до постели, и свалившись в нее, мертвецки заснул.

* * *

Петя не знал, сколько он спал. Когда он проснулся, за окном уныло разгорался серый рассвет, но это мог быть рассвет любого по счету дня. Сильно болела голова. Петя встал и нетвердыми шагами пошел в ванную. Стены продолжали кружиться вокруг него, ухитряясь одновременно оставаться на месте. Перед глазами плясали черные пятна с радужной каемкой. Ощущения были как после наркоза или отравления.

Ступив босыми ногами на холодный кафельный пол ванной, Петя открыл воду и согнулся над раковиной, уперевшись в ее края руками. Голова не держалась и все время стремилась свеситься на шее, лишившейся всякой силы.

Постояв немного, Петя сунул голову под струю холодной воды. Пульсирующий шар боли съежился до размеров горошины, затем постепенно вырос до прежних размеров. Но все-таки Петя почувствовал себя немного лучше. Он выключил воду, вытер голову полотенцем, вернулся в комнату, снова лег и заснул.

Когда он проснулся снова, уже вечерело. Боль в голове почти прошла и превратилась в подобие ноющего назойливого присутствия посторонней субстанции. Сильно хотелось пить. Петя встал, оделся и пошел на кухню, отметив по дороге, что вращение стен стало гораздо медленней. Он выпил два стакана воды. Есть не хотелось, как и всегда при болезни.

Петя достал градусник и померил температуру. 38 и 5. Плоховато, но жить можно. Только сейчас он вспомнил про компьютер. Он так и стоял включенным, только перешел в спящий режим. Петя шевельнул мышью, и в системном блоке загудел, пробуждаясь, винчестер, со слабым потрескиванием разогрелся монитор, и на экране отобразился текст. Петя узнал его — это была та самая программа, набранная им ночью. По внешнему виду было совершенно непонятно, что она должна делать. Он некоторое время раздумывал, сохранить ее на диске или нет, но потом решил все-таки сохранить, дав ей первое попавшееся имя — asdf. Исходный текст оказался больше, чем он мог предположить — около 200 килобайт. При других обстоятельствах Пете понадобилось бы недели две, чтобы напечатать такой объем. Уже чисто автоматически он попытался откомпилировать программу. Как он и ожидал, ничего не вышло. Компилятор исплевался сообщениями об ошибках и остановился.

Полный бред.

Петя встал из-за компьютера. Его знобило, кружилась голова. Он разыскал среди вороха вещей толстый шерстяной свитер и натянул его поверх рубашки, после чего отправился на кухню и поставил на огонь чайник. Во всех его действиях был какой-то отсутствующий, тупой автоматизм, в то время как в мозгу крутились хаотичные обрывки программных кодов, музыки, рекламных роликов и недавних разговоров. Все это складывалось в чрезвычайно сложную картину, имеющую ускользающий от понимания смысл.

Он присел за стол и взял в руки банку Nesfake. Некоторое время он тупо изучал надписи на этикетке, потом оторвал ее и понес в комнату. Там он нашел фломастер и на обратной стороне этикетки написал свои имя, адрес и телефон, как того требовали правила конкурса. Графа «Город мечты» заставила его крепко задуматься. В конце концов он пожал плечами и вывел, не вполне осознавая, что делает: «Chiba city». Покончив с этикеткой, он словно лишился всех сил и некоторое время неподвижно сидел, прислушиваясь к хаосу в своей голове.

Потом он снова подсел к компьютеру, решив попробовать разобраться с ошибками в программе. К своему изумлению, Петя обнаружил, что все ошибки были незначительными и поверхностными, связанными в основном с опечатками, когда палец случайно задевал соседнюю клавишу. Он исправлял их одну за другой, и даже стал слабо надеяться, что программа все-таки заработает.

Засвистел чайник. Петя приготовил себе кружку дымящегося кофе и бутерброд с сыром и с двойной энергией принялся за работу. Он даже почувстствовал нечто вроде отрешенности, подобной той, что сопровождала набор загадочной программы.

И вот наступил момент, когда программа откомпилировалась без ошибок. С замирающим сердцем Петя запустил ее. Система выдала сообщение, что программа произвела некорректное обращение к памяти и принудительно завершена. «А что ты ожидал?» — спросил сам себя Петя. Это был тупик. Если исправить синтаксические ошибки и описания функций было относительно просто, то копаться в логике программы, которая может и не иметь оной — безнадежное дело. Однако Петя хорошо помнил о Кинетическом Черве, и теперь не сомневался, что это очередное испытание в его квесте.

Сначала он, ругнув сам себя, прицепил к компьютеру запасной винчестер и скопировал на него все свои файлы. Это следовало сделать еще перед первым запуском программы, ведь она вполне могла стереть весь винчестер. Потом он запустил

отладчик и принялся трассировать программу с самого начала. Что она делала, оставалось абсолютно непонятным. Большая часть выполняемых ею инструкций была бессмысленной. Единственное, что Петя мог понять — сбой в работе происходил оттого, что программа производила запись в собственный сегмент кода. Такое часто бывает, если программа содержит скрытую ошибку… либо в самомодифицирующихся программах. Если это первый случай, то Пете не стоило даже надеяться отыскать ошибку, не зная хотя бы общей логики работы программы. Если же второй… то программе не позволяет модифицировать свой код операционная система. Значит, надо попробовать запустить программу в нулевом — привилегированном кольце защиты…

Уже поздно ночью Петя закончил отлаживать код оболочки нулевого кольца. Изменять исходный текст программы он не решился, да и вряд ли бы из этого вышло что-то путное. Вместо этого он сделал небольшую оболочку, в которую «заворачивалась» программа и которая брала на себя обработку всех некорректных действий с памятью.

Когда все было готово, он опять запустил программу. Экран очистился и долгое время не подавал признаков жизни. Клавиатура тоже не отзывалась. Петя уже протянул руку к кнопке перезагрузки комьютера, когда на экране появилось сообщение:

ОПЕРАТИВНАЯ ПАМЯТЬ: 64 МБ ТРЕБУЕТСЯ: 112 МБ
НЕ ХВАТАЕТ ПАМЯТИ

и программа завершилась. Петя тихо и истерично захихикал. Памяти тебе, сволочь, не хватает? Будет тебе память. Завтра.

Когда прошло напряжение работы, он почувствовал сильную усталость. Голова все еще болела. Глаза под опухшими веками покраснели и слезились. Не раздеваясь, он упал на диван и забылся тяжелым сном.

* * *

В полупустом салоне рейсового «Икаруса» было холодно и мерзко воняло дизельным дымом. Больше всего Петя не выносил эту комбинацию — холод и дизельный дым, проникающие из всех щелей громыхающего салона. Особенно на голодный желудок. Его начинало подташнивать. Он не позавтракал утром, потому что не хотел есть, а теперь в нем наконец-то проснулся зверский аппетит. Температура снизилась до 37 и 2, головная боль прошла, но Петя с внутренней тревогой чувствовал, что в его здоровье произошли некие серьезные и пугающие сдвиги — настолько

пугающие, что он даже не решался обратиться к врачу. Интуитивно он понимал, что доигрался. Все эти эксперименты с Кинетическим Червем не прошли даром. Кирпичи мира мелко и незримо дрожали в своих гнездах, готовые рассыпаться пылью небытия. В то же время Петя чувствовал странное отупение и безразличие ко всему. Бессмысленная круговерть в голове все не прекращалась, и он не всегда понимал, кто он и где находится, теряя себя в наблюдении за проплывающими мимо заиндевелого окна серыми березовыми рощицами, растущими на обочинах пригородной дороги.

Автобус затормозил, нехотя отворились двери, испуская недовольное шипение. Петя спрыгнул со ступенек на обледеневший асфальт и вместе с небольшой толпой приехавших зашагал к огороженному железобетонными плитами периметру с ярко-желтым матерчатым транспарантом «РАДИОРЫНОК» над входом.

Попав внутрь рынка, Петя прошелся по палаткам, приценяваясь и выбирая нужный ему тип памяти. Такой сейчас трудно было найти, так как он был уже давно снят с производства. Кое-где он находил то, что нужно, но по неведомой причине шел дальше, пока не наткнулся на… Ряху!

Ряха стоял за прилавком палатки, в руке у него была наполовину опустошенная бутылка «Хамовнического». Глаза смотрели на Петю тупо и не мигая. Отчего-то Петя запаниковал. Он никак не ожидал увидеть здесь Ряху, да еще и продающего «железо».

Петя некоторое время стоял в ступоре, делая вид, что разглядывает детали и прайс-листы, хотя взгляд его не мог сфокусироваться ни на чем. При этом он не мог заставить себя сдвинуться с места и с ужасом осознавал, что не знает, как быть дальше. Это был какой-то идиотский транс, в котором не существовало ни прошлого, ни будущего, а только мучительно растянутый момент настоящего.

— Я спрашиваю, могу ли чем-нибудь помочь? — откуда-то издалека донесся до Пети голос.

Это был голос Ряхи. Он был слегка осипшим.

— Симмы по 32 мегабайта есть? — как загипнотизированный, спросил Петя.

— Вроде были. Щас посмотрим…

Ряха с утробным бульканьем глотнул пива, поставил бутылку на прилавок и повернулся к Пете спиной, копошась в каких-то коробках.

— Последние остались. Забирай со скидкой.

Ряха выложил на прилавок прозрачный пластиковый

конвертик с запечатанной внутри парой симмов. Конвертик был испещрен крохотными ярко-желтыми японскими иероглифами, среди которых повторялась красная надпись латиницей «KINEN MUSHI».

— Гарантия есть? — спросил Петя, вертя конвертик в руках. — Что-то фирма левая…

— Ты что! Это же чистый джапан, не какой-нибудь Тайвань, — почти обиделся Ряха. — У меня у самого такая стоит, ни разу проблем не было. Если что — принесешь обратно, — он снова приложился к бутылке. — Квитанцию выпишу.

— Ладно, беру, — согласился Петя.

Ряха достал чистый бланк и вписал в него несколько строчек. Почерк у него оказался очень ровным и изящным, словно у девушки. После этого он достал печать, подышал на нее и приложил к бланку.

Петя отдал ему деньги и взял квитанцию.

— Спасибо, — сказал он и зашагал прочь.

— Эй, постой! — услышал он голос Ряхи позади и обернулся. — Мозги-то возьми!

Петя хлопнул себя по лбу. Он забыл забрать с собой купленную память.

— Черт, вроде бы точно помню, что взял, — смущенно сказал он Ряхе, вернувшись.

— Если помнишь, значит, взял, — насмешливо ответил Ряха, допивая пиво. — Только, наверное, это было не с тобой и не здесь.

Он хитро подмигнул Пете, отчего тот почувствовал страх.

— Кто вы? — спросил он у Ряхи.

— Никто, — спокойно ответил Ряха, нагибаясь за новой бутылкой пива.

Мир дернулся перед глазами Пети, а все события, образы и звуки спрессовались в траекторию полета пули, с тонким хрустальным звоном повисшей около уха. Щекотливое жужжание в мозгу подсказало ему, что этот диалог он уже где-то когда-то слышал — или еще услышит, не имеет значения. Какие-то странные образы мелькали в сознании — спиральные морские раковины, плывущие под парусами по морям, маленькие фигурки трубачей, расставленные на шахматной доске… Все эти образы несли будоражащий смысл, который Петя знал раньше, когда-то очень давно, но теперь этот смысл был погребен глубоко-глубоко, а сознание пыталось пробиться к нему в отчаянной битве с самим собой.

— Эй, постой! — услышал он голос Ряхи позади и обернулся. — Мозги-то возьми!

Петя хлопнул себя по лбу. Он забыл забрать с собой купленную память.

— Черт, вроде бы точно помню, что взял, — смущенно сказал он Ряхе, вернувшись.

— Ты не больной случайно? Что-то у тебя вид очень бледный, — сказал Ряха с видимым беспокойством на румяном лице, нагибаясь, чтобы поставить пустую бутылку под прилавок.

— Да, есть немного, — ответил Петя, зачем-то кашлянув. — Но вообще я по жизни бледный, так что ничего страшного.

— Ну ты все-таки подлечись, — посоветовал ему Ряха.

— Обязательно. До свидания, — ответил Петя и пошел к выходу с рынка. Ряха за его спиной громоподобно рыгнул.

* * *

Компьютер стоял со снятым кожухом и вывороченными кишками шлейфов. Петя только что установил в него купленную память и включил питание. Первичная процедура тестирования исправно отщелкала 128 мегабайт, после чего загрузилась операционная система. Петя хотел сразу же запустить «П-1» — так он стал называть свою загадочным образом возникшую программу. «Проект-1» или «Петя-1» или… впрочем, неважно. Но в последний момент его палец замер над клавишей «Enter». Казалось бы, так просто сделать этот шаг. Но в то же время Петя определенно боялся того, что может произойти вослед. И очередное сообщение об ошибке было бы, возможно, наиболее желанным результатом. Он опять почувствовал ступор, подобный тому, что испытал при первой встрече с Ряхой на рынке.

Все-таки поборов себя, Петя нажал «Enter». Экран очистился, как и в прошлый раз, и компьютер надолго ушел в раздумья. Однако сообщение о нехватке памяти так и не появилось. Программа все еще работала (или уже давно висела), но проверить это было никак нельзя. Оставалось только ждать.

Петя пошел на кухню, разжег огонь под сковородой, тщательно размазал по ней маленький кусок масла, накрошил туда же три сосиски, немного погодя вылил сверху четыре яйца и настругал сыра, посолил, перемешал, накрыл сковороду крышкой и уменьшил огонь. Через несколько минут он уже жадно ел, утоляя мучивший его с утра голод.

Покончив с едой, он налил себе кофе и вернулся в комнату. Сначала ему показалось, что состояние «П-1» не изменилось, но потом он заметил небольшой символ «>» в левом верхнем углу экрана. Такой символ обычно означал приглашение к вводу

данных.

Петя подсел к компьютеру и нажал «Enter». Ничего не произошло, только новый символ «>» появился строкой ниже. Петя еще несколько раз нажал «Enter», и все новые и новые приглашения появлялись друг под другом. Все верно. «П-1» ожидает ввода данных, только вот каких? Петя наугад провел пальцами по клавиатуре:

bnrrlfkjhgrlkjng и нажал «Enter».

— vnirsolvkjnlgnstrkjgl — ответила программа и снова высветила приглашение.

«Мда», подумал Петя, «эту штуку так просто не надуришь».

Словно по наитию, он ввел следующую строку:

кто ты?

— ВЕРОЯТНОСТНАЯ АНОМАЛИЯ «П-1» — немного помедлив, выдала ответ программа.

Стены комнаты с ревом бросились на Петю. Он закрыл голову руками и сполз под стол. Уже в который раз мир пытался уничтожить его за нарушение неведомых секретов, но теперь Петя был готов к бою. Сжав зубы, он сосредоточенно удерживал свое сознание от угасания. Пространство вокруг него рушилось кусками отсыревшей штукатурки, обнажая бездонные дыры пустоты, сквозь которые просматривалось какое-то движение. Было сложно хоть как-то охарактеризовать его. Было непонятно, что именно движется, так как это не принадлежало к сфере человеческих понятий. Было непонятно, в какую сторону или с какой скоростью происходит движение, так как оно происходило вне пространственных рамок. Это можно было сравнить с хаосом, с той лишь разницей, что в хаосе нет движения как связного действия.

Постепенно Петя стал замечать призрачное присутствие некоторой сущности, наполняющей хаос. Именно она и была вместилищем движения. Петя заметил, что сущность становится все более заметной, если концентрировать на ней внимание. В какой-то момент его посетило яркое и короткое, как фотовспышка, видение: бесконечно длинное, по-змеиному извивающееся чешуйчатое тело цвета черного антрацита, каждая чешуйка на котором была целым миром — движущимся миром…

Внезапно наваждение исчезло, оставив в сознании звенящую пустоту. Петя выбрался из-под стола и потряс головой. Он чувствовал себя так, словно ему сделали промывание мозгов в прямом смысле. Однако, несмотря на общую разбитость и плохое самочувствие, мысли его стали более ясными и четкими.

Он вернулся к компьютеру и набрал:

— Кто тебя создал?

— Ты.

— Как меня зовут?

— Петя.

— Кто научил меня написать тебя?

— Никто.

— Ты что-то вроде искусственного интеллекта?

— Нет.

— Откуда ты все знаешь?

— Я не знаю ничего. Мои ответы вырабатываются на основе случайной выборки из языковой матрицы.

— Ты всегда говоришь правду?

— Ответ невозможен в силу вышеприведенных обстоятельств.

— Но пока что ты на все вопросы отвечаешь правильно.

— Я не даю оценок своим ответам.

— Ладно, давай-ка проверим. Чему равно расстояние от Земли до Луны?

— Сейчас тебе позвонит Игонькин.

— Ты его знаешь?

— Нет.

Зазвенел телефон, заставив Петю вздрогнуть. Он поднял трубку.

— Алло.

— Петр, ну куда ты пропал! — раздался в трубке голос Чапаевича. — Мы тебя уже третий день разыскиваем.

— Константин Чапаевич, у меня, кажется, с программой получилось! — невпопад закричал Петя.

— В курсе, в курсе уже. Срочно собирайся и дуй в старый офис, — сказал Чапаевич и повесил трубку.

Петя повернулся к компьютеру.

— Не выключай, — предупредительно сообщила программа. — Нарушится вероятностный цикл.

— Ладно, живи, — улыбнулся Петя и выключил монитор. Потом снова включил его и набрал на клавиатуре:

— Какая сейчас погода на улице?

— Плюс пять, пасмурно, но скоро выглянет солнце.

— Грозит ли мне опасность со стороны Чапаевича?

— Определенно нет, — ответила программа. — Чапаевич помогает тебе.

— Ладно, живи, — Петя снова выключил монитор.

* * *

Второй раз в жизни Петя открыл обитую жестью дверь

старого дома в Лоховском переулке. Полутемный коридор был совершенно пустым и тихим. Ни радио, ни телефонных звонков, ни стрекота принтеров за дверьми. Только звук протекающего унитаза в туалете.

Сопровождаемый гулким эхом своих шагов, Петя прошел в конец коридора и отворил дверь номер 10. Комната нисколько не изменилась — все те же салатово-голубые стены, желтый линолеум и новенькая черная мебель. Чапаевич сидел на прежнем месте и что-то писал. На столе стояла початая бутылка водки и два граненых стакана.

Увидев Петю, Чапаевич оживился.

— Проходи, проходи, Петро! — громко поприветствовал он его. — Бери стул, подсаживайся.

Петя разделся, взял стул, приволок его к столу и уселся. Он чего-то не понимал.

— А что это вы тут делаете, Константин Чапаевич?

— Как что? Не видишь — водку пью. — Чапаевич взял бутылку, налил себе более чем полстакана, потом остановил горлышко бутылки над вторым стаканом. — Будешь?

Петя помотал головой.

— Ну смотри, как хочешь.

Чапаевич осушил стакан, крякнул, занюхал рукавом и продолжил писать. Петя молчал, интуитивно чувствуя неуместность всего, что он скажет.

— Ну, рассказывай, Петя. — Чапаевич закончил писать и отправил стопку листов в чемоданчик из черной кожи. — Что там у тебя получилось?

— Программа заработала. — тупо ответил Петя, потеряв какую-либо способность повествовательно высказываться.

Но похоже, этот ответ Чапаевича более чем устраивал. Он покивал головой, потом спросил:

— И все?

— И все… — растерянно ответил Петя.

— Ни хрена у тебя не получилось, Петр, вот что я тебе скажу.

— То есть как это так?

— Выпьешь?

— Нет, спасибо.

Чапаевич кивнул, налил себе еще водки и выпил.

— Так что твоя программа делает?

— Она разговаривает со мной. Отвечает на любые вопросы. И утверждает, что делает это случайно.

Входная дверь открылась, и вошел Мистер Кофеин с картонными коробками в руках.

— А-а, принес, — улыбнулся Чапаевич. Ну давай, будем

готовиться.

Мистер Кофеин кивнул и прошел в подсобку.

— Так вот, — снова обратился к нему Чапаевич. — Где находится твоя программа?

— Эээ… — замялся от неожиданности Петя. — У меня в голове.

— Хитер, брат! — весело сощурился Чапаевич. — Начитался небось чего?

Петя пожал плечами.

— То есть программа — это часть окружающего тебя мира, верно?

— Да.

— И эта часть убеждает тебя своими действиями в том, что она работает правильно.

— Да.

— А весь остальной мир?

— Что весь остальной?

— Ну весь мир. Идет дождик, потом светит солнце, все это происходит случайно, но ровно постольку поскольку это происходит, ты принимаешь это как единственно правильный вариант существования мира.

— А как же мне еще его принимать? — удивился Петя.

— А никак не принимай.

— Ого! Может, объясните?

— Хорошо, объясню. Помнишь нашу матрицу? Так вот в каждый момент мир вокруг тебя и ты сам — всего лишь одно из состояний матрицы, а в следующий момент это будет другое состояние. Твое сознание служит терминирующим фактором хаоса, выбирая состояния матрицы, отвечающие наиболее вероятному — с точки зрения твоего сознания, а следовательно и с точки зрения данного состояния мира! — развитию событий. Хотя событий-то никаких нет. И вероятности никакой нет. Сознание продолжает цикл восприятия, основываясь на мире, где оно же и продолжает цикл восприятия. Как только ты прерываешь цикл, ты попадаешь в матрицу в чистом виде, в быту именуемую хаосом. Но только после этого ты исчезаешь, потому что исчезает твое сознание.

— Тогда какой в этом смысл? Или я что-то воспринимаю и привязан к этому, или меня нет.

— А ты не привязывайся. Если уж тебе суждено постоянно что-то воспринимать, воспринимай то, что хочешь ты, а не то, что тебе навязывается. Переключи канал. Выбери лучший из возможных миров. Будь не падающим шариком, так хотя бы птицей, сечешь?

— Сечь-то секу, — вздохнул Петя, — но только как мне быть птицей?

— Научить? — хитровато спросил Чапаевич.

— Научите, если можно, — пожал плечами Петя. Почему бы и нет.

— Хорошо, научу. Все, по коням. — Игонькин встал из-за стола и пошел в подсобку.

Петя отправился за ним. Виктор-Кофеин уже сноровo собирался. Большая коробка с надписью «Dimension Computers» стояла открытой. Внутри нее тускло поблескивали бронежилеты, стволы автоматов и гранаты.

— Ничего себе! — воскликнул Петя. — Откуда это все и зачем?

— Я надеюсь, ты понимаешь, что не мы одни занимаемся статистическим моделированием, — ответил Чапаевич, облачаясь с помощью Виктора в бронежилет. — За твоей программой скоро начнется большая охота. Очень многие заинтересованные силы хотели бы ее заполучить, и тебя вместе с ней.

— А что же мне делать? И что вы собираетесь делать? — растерянно спросил Петя. Приготовления походили на начало настоящей войны.

— Ты пойдешь домой и позаботишься обо всем, а мы позаботимся обо всем здесь. Время у тебя еще есть, мы их задержим и отвлечем насколько возможно.

— Кого их?

— Заинтересованные силы, — ухмыльнулся Чапаевич и с громким клацаньем вогнал рожок в автомат. Виктор возился с коробками, из которых торчали разноцветные провода.

— Но постойте! — Петя ничего не понимал. — А для чего же я работал, и что мне теперь делать с этой программой?

— Ты работал для себя. А программу сотрешь, как только она станет тебе не нужна. Ты все поймешь сам… если сумеешь. Встретимся позже, — ответил Чапаевич, передергивая затвор.

— Где?

— Где надо. Потом сам узнаешь. Пошли.

Они дошли до самого выхода, когда Чапаевич внезапно вернулся в подсобку и принес свое черное пальто.

— На-ка, набрось вот это, чтоб не застудиться.

Петя послушался и надел пальто, хотя и не вполне понимая зачем. Оно оказалось длинноватым.

— А вы как же? — спросил Петя.

— Да мне и в бронике жарко, — махнул рукой Чапаевич. — Витька, заканчивай! Мы с мальцом сходим прогуляемся…

Они вышли из здания и направились к недавно закопанной

траншее теплотрассы в Глоховском переулке. Глинистая земля была холодной, но мягкой и влажной. Чапаевич остановился у края траншеи и наскреб руками, не боясь испачкаться, комок глины размером с кулак. Разминая его пальцами, он начал неторопливо говорить, поглядывая на небо сощуренными глазами.

— Я много ездил по стране, Петя. Однажды я на несколько дней задержался в небольшом горном поселке. Там были ребятишки, играющие у дороги. Они лепили из глины вот такие лепешки — он показал Пете толстый плоский диск, который он успел размять пальцами, — и делали в центре углубление, вот такое, — большим пальцем он промял ямку, — так, чтобы дно этого углубления было совсем тонким. Потом они с силой бросали лепешку на землю, углублением вниз, и она громко хлопала. Они смеялись и говорили «ятафоч». Мне стало интересно, и я спросил, что означает это слово. Они засмеялись и сказали, что на их языке это значит «глиняное ружье». И тогда я сделал такой же диск и бросил его оземь…

Он помолчал, взвешивая глиняную лепешку на своей ладони и щурясь на выползшее из-за облаков болезненное солнце.

— И мир взорвался вокруг меня. Я видел его осколки…

— Неужели все так просто? — спросил Петя после минутного молчания. Чапаевич явно был пьян.

— Да, все очень просто. Проще, чем ты можешь себе представить. Попробуешь? — Чапаевич протянул «ятафоч» Пете.

— Попробую… — Петя взял это страшное оружие в руку. Несмотря на всю нелепость происходящего, он все же почувствовал легкое волнение — кто его знает…

— Бросай сильно и прямо, вертикально вниз, — посоветовал Чапаевич.

Петя размахнулся и бросил. Бросок оказался удачным. «Ятафоч» плашмя врезался в асфальт, издав громкий, почти оглушительный хлопок. И… ничего не произошло.

— Ну как? — спросил Чапаевич.

— Ну не знаю… что-то не очень…

— Может, попробуешь еще? — заботливо предложил Чапаевич.

— Нет, хватит, — ответил Петя.

— Тогда пора расходиться, — деловито сказал Чапаевич. — В общем так, ты лучше тут пока постой, никуда не шастай и подожди, мы там сейчас пошумим немного, а как все уляжется, ты сразу добирайся домой и действуй как договорились, понял?

— Понял, — кивнул Петя. — Но вы мне так ничего и не объяснили!

— Нет времени, Петр, нет времени! Я тебе все объяснил. — серьезно сказал Чапаевич. — Ну, бывай!

Он махнул рукой и быстро зашагал назад.

Петя остался один. Некоторое время он стоял, прислушиваясь, но вокруг было тихо. От нечего делать Петя решил попробовать сделать еще один «ятафоч». Он быстро размял комок глины в лепешку и сделал в центре углубление. Постояв немного в раздумии, он бросил лепешку на землю. Хлопок разрываемой глины потонул в гулком грохоте близкого взрыва, плотная волна воздуха из-за домов ударила в лицо, послышался звон разбитых стекол, визг шин уезжающего автомобиля, треск автоматных очередей и вой сирен. Ошарашенный, Петя застыл в неподвижности, прижав руки к ушам.

Вскоре последний звук сирены истаял вдали, и наступила обычная тишина. Петя вспомнил о своем задании. Им овладело то особенное легкое спокойствие, когда не о чем жалеть и нечего хранить. Он пошел по направлению к проспекту.

Подул резкий пронизывающий ветер, и Петя запахнул пальто. Что-то твердое и тяжелое ударилось о его грудь. Он сунул руку во внутренний карман, пальцы его наткнулись на холодную сталь. Петя потянул и вытащил на свет вороненый пистолет — самый настоящий. В обойме было 6 патронов.

Справившись с приступом паники, Петя положил пистолет обратно в карман. После этого он обыскал остальные карманы. Они были пусты, за исключением одного, в котором находился чистый листок синей бумаги и черный маркер.

* * *

Войдя в подземку, Петя немного замешкался. Вестибюль напомнил ему поцарапанный и вылинявший кадр из давно виденного старого кино: мраморные ступени, металлические перила, и неподвижно стоящие вдоль них люди с пачками пестрой бумаги в руках.

Он прошел мимо руки с объявлениями по найму, мимо руки с билетом «Белого Лотоса», мимо руки с картой магазинов, и встал следующим в этой шеренге. Решение было мгновенным и необъяснимым. Достав из кармана синий листок, он прижал его к холодной мраморной плитке стены и быстро написал маркером:

ИЗМЕРЕНИЕ КИНЕТИЧЕСКОГО ЧЕРВЯ
ясный пень д 84 кв 24

Закончив писать, он вытянул листок перед собой, отыскивая

глазами в проходящей толпе Петю — того Петю, который должен был стать следующим.

Ждать пришлось недолго. Через несколько минут девушка в спортивной красно-желтой куртке неожиданно затормозила возле Пети, словно наткнувшись на невидимый барьер, и перевела на него глаза. Петя почти насильно сунул листок ей в руку. Девушка пожала плечами, не глядя бросила бумажку в карман и запрыгала дальше по лестнице.

Петя немного подождал и стал спускаться сам. Он незаметно проводил девушку вниз по эскалатору и подождал, пока та сядет в поезд, а потом поехал домой сам.

Когда он проходил мимо универсама, то услышал визг автосигнализации. Вместо того, чтобы идти дальше, Петя направился прямо к источнику звука. Это была бежевая «девятка». Ее хозяин, жирный самодовольный мужик, открыл багажник и что-то в нем укладывал. Это и послужило причиной срабатывания сигнализации. Петя подошел поближе и стал с любопытством смотреть.

Наконец закончив копаться в багажнике, мужик захлопнул его, после чего не спеша, разлапистой хозяйской поступью обошел вокруг своей машины, придирчиво осматривая ее, и наконец, царственным жестом протянув руку с брелоком, заставил сигнализацию замолчать.

«А ведь если его сейчас шлепнуть, наверняка кто-то будет его жалеть», подумал Петя. «Он обязательно окажется примерным и любящим отцом семейства, воспитавшим троих… нет, пятерых детей… Безутешная вдова… Молодой хулиган…»

Тут Петя заметил, что мужик смотрит на него. Более того, смотрит с нескрываемым ужасом. Только потом до Пети дошло, что он незаметно для себя вынул из кармана пистолет и сейчас дуло этого пистолета указывало прямо на раздутый живот мужика.

Словно бы очнувшись, Петя подошел к мужику, оттянул ему ремень на пузе и сунул пистолет ему за пояс. После этого он повернулся и ушел, напоследок резко надавив на крыло «девятки», отчего сигнализация включилась снова. Мужик продолжал неподвижно стоять с выражением ужаса на лице и пистолетом за поясом.

Войдя в свой подъезд, Петя сразу поднялся одним этажом выше. Он подошел к двери, за которой слышались звуки странной природы: как будто кто-то прыгал со стула или возил по полу швабру без тряпки. Она оказалась не только не заперта, но даже немного отворена. Петя открыл ее пошире и стал в дверном проеме, облокотившись о косяк. В пустой квартире находились

две девочки лет пяти и шести, в одинаковых замусоленных фланелевых платьицах и протертых на коленях серых колготках. Одна из них стояла на поставленном посреди комнаты стуле, явно готовясь спрыгнуть с него, другая бегала вокруг, старательно ударяя пятками в рассохшийся паркетный пол и волоча за собой швабру. В квартире стоял запах стирки.

Увидев Петю, девочки смутились и стали прятаться — одна за шваброй, другая за стулом, однако с глаз не уходили. Петя улыбнулся. Ведь все было так просто с самого начала. Стоило только…

За спиной послышался звук открываемой двери и громкие женские голоса.

— Нин, я потом зайду, поговорим, ладно? А то я на секунду только вышла, даже дверь не закрыла… Ой! Мужчина, вам что надо?!

Петя медленно повернулся, не сгоняя улыбки со своего лица. Перед ним стояла невысокая женщина в таком же замусоленном фланелевом халате и шлепанцах поверх толстых шерстяных носков. Глаза на глупом лице выражали примерно такой же ужас, что и глаза мужика около универсама.

— Вы бы лучше им почитали что-нибудь, — сказал Петя, показав рукой на девочек, и пошел к себе.

— Что, самый умный нашелся? — услышал он позади себя и грустно вздохнул.

ЭПИЛОГ

Вернувшись домой, Петя закрыл дверь на замок, подошел к компьютеру и включил монитор.

— Ну, как дела? — набрал он на клавиатуре.

— Скоро здесь будут чужие, Петя. Ты должен уйти.

— И куда же я уйду?

— Ты нигде не спрячешься от них. Ты должен исчезнуть из этого мира.

— Хорошо сказано. Только вот как?

Действительно, Петя чувствовал реальную угрозу своей жизни, и лишь только полное равнодушие, владевшее им в последнее время, мешало ему по-настоящему испугаться.

— Ты в силах это сделать. Думай, Петя.

— А что будет со мной, если я останусь?

— Тебя найдут мертвым на полу своей комнаты.

Петя выглянул в окно. Снаружи к дому подходила группа захвата. Кто-то, по-видимому командир, раздавал приказы, указывая руками на подъезд, окно и крышу. Времени оставалось всего ничего.

— Думай, Петя, — появилась на экране очередная строчка.

Петя думал, и наконец понял. Холодная и твердая уверенность появилась в нем.

— Значит, так.

Он говорил эти слова, говорил вслух, не прикасаясь к клавиатуре.

— Если ты ни от чего не зависишь и выдаешь мне лишь случайно подобранные ответы, значит, ты можешь точно также производить случайные звуки.

— Да, — ответила программа. Ее голос был печальным и странно звучащим.

Несмотря на то, что Петя ожидал именно этого, он все-таки вздрогнул.

— Почему же ты не сделала этого раньше?

— Потому что это твой мир, Петя. Я могу отвечать тебе, но только ты можешь изменить число мира — и меня вместе с ним.

Но этого было мало. Говорящая программа в сущности ничем не отличалась от печатающей, пока… пока…

Щебет птиц на проводах в знойный летний день.

— Стой! — потрясенно воскликнул Петя. — Если ты — всего лишь случайное стечение обстоятельств, и разговариваешь со мной, находясь в компьютере, то ты можешь…

«Да.» Странный голос звучал уже внутри него. «Наконец-то ты

понял, Петя. Чтобы произошло событие, не нужен компьютер, не нужна программа. Нужен только ты.»

— Кто я? — закрывая глаза, прошептал Петя.

— Событийная аномалия П-1, — последовал ответ.

И после этого все вопросы мгновенно обрели свои ответы, потому что не было уже разницы между спрашивающим и отвечающим, так как они являлись всего лишь частями того, что не имеет частей. Бесконечность новых вопросов рождалась, и бесконечность новых ответов соединялась с ними, и больше не надо было ничего спрашивать и ничего отвечать.

Петя подошел к компьютеру и запустил программу форматирования диска. За входной дверью послышались шаги и копошение в замке.

И в тот момент, когда адресные линии бились бешеным пульсом, когда электронные импульсы понеслись к контроллеру и магнитные головки зависли на тончайшей воздушной прослойке над зеркальной гладью дисков, готовые стирать память о канувших в нее байтах, голос, медленный и низкий, донесся из динамиков:

— О.А.С. Отделение Абсолютной Свободы.

Головки начали процесс стирания.

— Ломай! — послышалось за дверью, и тяжкий удар сотряс ее. Закашлялся белой известковой пылью косяк, но дверь устояла.

Петя пошел к выходу, не оглядываясь. Совсем недавно, увольняясь с работы, он ощущал, «что все время его пребывания здесь было лишь нелепой, надуманной зависимостью, и он забудет о нем сразу же, как только выйдет из здания»… Настал черед и этого мира.

За его спиной лопнуло стекло в хрустнувшей оконной раме, и звенящие осколки посыпались на пол. Сломанная дверь безмолвно и медленно, как во сне, открылась, и два рослых спецназовца ввалились в прихожую. Но Петя не видел их. Он шел вперед, сквозь ставшие призрачными стены, и его глазам открывался порт, смутно знакомый по несуществующим воспоминаниям. Крошки упаковочного пенопласта на зеленых волнах, серебристые капли воды в воздухе. И небо, небо цвета экрана ненастроенного телевизора. Настойчивый, почти рефлекторный порыв заставил Петю вдохнуть полной грудью, как будто он никогда не дышал раньше. Запах жареных креветок и мокрого пластика. Белые обрывки распечаток в лужах под ногами. Ярко-желтое, отмытое дождем дерево сваленных в груду пивных ящиков. Петя наконец узнал это место и улыбнулся. Лицо было мокрым от дождя — а может быть, от слез. Чиба-сити блюз.

(c)dr.noise Санкт-Петербург — Нальчик, ноябрь 1999 — 7 мая

2000 последняя редакция, исправленная и дополненная — 12 мая 2000

ПОСЛЕСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИИ АВТОРА

В первую очередь хочу поблагодарить всех людей, которые поддержали и ободрили меня в этом начинании и делали ценные замечания по ходу работы. Это (в порядке LIFO): Lechoix, bnbb, Вовка Афаунов, Max, Fan, Goblin и dtf.people.goblin. Это мое первое произведение относительно большого объема. Честно говоря, оно таким не задумывалось. Вначале была только скромная идея как-то обыграть или спародировать образ Пети-программиста из рекламы Nescafe, показать его с неожиданной и отчасти абсурдной стороны. Потом началось нечто непонятное. Петя пошел дальше, и мне оставалось только следовать за ним. Люди, хорошо знающие меня, говорят мне, что образ Пети во многом автобиографичен. Это одновременно и правда, и нет. Автобиографичен не только образ Пети, но и практически весь мир, описанный в И.К.Ч. Дело в том, что для меня достаточно большую трудность представляет процесс выдумывания имен, внешности и характеров героев. Я могу провести над пустой страницей полчаса только из-за того, что не в силах начать писать из-за отсутствия имени героя. В данной ситуации я поступил проще — реклама Nescafe дала мне как готовые имена, так и более-менее оформленные типажи. Я не остановился на этом и продолжал брать многое из жизни, все что попадалось под руку, ибо я понимал, что если остановлюсь, то завязну навсегда. Естественно, что под руку больше всего попадались факты из собственной жизни. Но при этом я никогда не делал полных копий реальности, а брал лишь отдельные свойства разных объектов и компилировал из них новые объекты. Поэтому автобиографичность сквозит лишь в некоторых фактах, о которых известно моим знакомым. В целом же могу смело сказать, что Петя никак не может отождествляться со мной, равно как и все остальные персонажи не могут отождествляться с их комбинированными прототипами. О пелевинщине, которую некоторые замечают в И.К.Ч. Имея персонажа по имени Петя, я случайно породил Чапаевича, и дальше просто развивал эту пародийную параллель с пелевинской повестью «Чапаев и Пустота». Хотя первоначально в мои планы это не входило, однако немного развеселило меня и добавило несколько поворотов в сюжет. О произношении слова Chiba. Звук японского языка «ch» в русских переводах может звучать и как «ч» и как «т». Например, «хибачи» и «хибати». И хотя в русском переводе книги

У.Гибсона «Нейромант» Chiba звучит как «Тиба», а следовательно, более привычно слуху читателей, мне все-таки больше импонирует «Чиба», потому что оригинал я читал до перевода. О слове «ятафоч». Это реальное слово кабардинского языка, и все рассказанное о нем — чистая правда.